

18+

Я БУДУ ПОМНИТЬ

Ксения Нихельман

Ксения Нихельман

Я буду помнить

«Издательские решения»

Нихельман К.

Я буду помнить / К. Нихельман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982067-9

«Он наверняка не знает, читает ли она его письма, осуждая за те или иные поступки, но он знает наверняка, когда пишет ей, то эти письма превращаются в долгую исповедь». Егор Матвеев, редактор небольшого издательства, получает анонимную рукопись сборника рассказов. Поддавшись любопытству, он вступает в переписку с автором, которым оказалась девушка. Они пообещали, что будут писать друг другу письма, настоящие бумажные письма радости. Вот только в жизни Егора радости было слишком мало. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-982067-9

© Нихельман К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Я буду помнить

Ксения Нихельман

*«Плывут дома воспоминания,
Слова любви, слова признания.
Живут во мне воспоминания,
Живут во сне и наяву.
Они – тепло мое весеннее,
Моя мечта, мое везение,
Моя надежда и спасение,
Пока я помню – я живу!»*

Роберт Рождественский «Пока я помню»

© Ксения Нихельман, 2020

ISBN 978-5-4498-2067-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Утро

Когда самолет зашвыряло, будто бумажный самолетик на ветру, она подумала, что ждала этой минуты давно.

Она точно знала, все происходящее в ее жизни являет собой тонкие нити сложного лабиринта: пальцами подцепив одну из них, ступила за ней в неизвестность. Вначале на неопытный глаз нить казалась приятной, затем под пальцами стали появляться шероховатости, узелки, много узелков; в одних местах нить утолщалась, в других, наоборот, истончалась, а где-то нить раздвоилась и она потеряла себя. Потеряла то, с чего начала. И сейчас в трясущемся самолете ей привиделось, словно она вновь держит ту самую нить, но до того худую, что вот-вот окончательно порвется.

Если мы разобьемся вдребезги, то, наверное, так и должно случиться. Ведь земная жизнь – ненастоящая, имеет значение только то, что будет после нее. Кажется, именно так многие утешают себя? Разумеется, она слышала про воздаяние. И, может быть, – она не знала наверняка, – ей тоже воздастся за добро и зло, зла в ее жизни было много. И если самолет рухнет в эту минуту, а там дальше... ничего нет. Ни воздаяния, ни смирения, ни прощения, лишь звенящие холод и пустота, то тогда зачем все это? Зачем хитрая нить привела сюда? Только для того, чтобы с коротким треском всего пережитого лопнуть в руках и разлететься в два конца: в прошлое, единственное, что у нее есть, и в будущее, которое уже никогда не наступит.

Последний раз на самолете она летала давным-давно. Еще девчонкой, под руку с Ромой – молодые и влюбленные, с блестящими глазами и полными больших надежд сердцами они поднимались по ступеням аэропорта Новосибирска. Это была их мечта. Почти американская, такая же глянцева и такая же безнадежная. Казалось, это было вчера или позавчера, в крайнем случае. Она до сих пор помнила тот сладко-приторный запах мучных изделий, разливающийся по просторным залам аэропорта.

– Не выдумывай! Ничем не пахнет, – сказал в тот день Рома и сильнее схватил ее за руку.

Но она прекрасно знала – пахнет. Пахнет столовкой. Школьной столовкой, в которую никогда не ходила, пока училась. Однако пахло не только школьной столовой, но и ее будущей столовой, где она будет работать, как обещал молодой муж.

Самолет снова тряхнуло, на этот раз сильнее, и она прикрыла веки.

– Вам страшно?

Разомкнув глаза, увидела широкое лицо старика, сидящего рядом с ней. Конечно, все это глупость, какой же он старик, лет шестьдесят? Лет на тридцать ее старше, может, чуть больше. Элегантно одетый, с серебристой проседью в волосах. Наверняка он повидал гораздо больше ее, да и полетал, раз держится так бесстрашно и спокойно.

– Боюсь, – призналась она.

– Богу нужно помолиться, когда страх одолевает.

Короткий кивок в ответ, лишь бы не вступать в спор. Порой так проще.

– Как вас зовут?

Она задумалась. Ее ничто так сильно не расстраивало, как этот глупый вопрос. Почему все обязательно хотят знать, какое у нее имя? Кому это нужно? А вообще, честно говоря, все женские имена ей не нравились. Возьми любое, гаркни им во всю глотку – и вот уже готова баба с базара: Надька из мясного, Валька из продуктового, Любка – буфетчица, Зинка из рыбного, Ольга через длинное и трескучее «хг» – эту «Ольхгу» всегда звал сосед, когда напивался до смерти и орал в маленькое оконце пивной, где Ольга разливала пиво в тяжелые стеклянные кружки его, пока еще трезвым, дружкам.

– Татьяна, – солгала она.

– Замечательное имя! – мужчина ответил, на удивление, таким восторженным тоном, что ему вняла сама стихия и успокоилась, краснея за содеянное: самолет выровнялся, гул стал приятно монотонным, а главное – безопасным.

Все оставшееся время полета она пыталась слушать мужчину, но на самом деле думала только об одном. О Захаре – о том мальчике. И о Егоре, и об Ульяне. Кого из них сегодня она встретит первым? Но она точно знала, кого из них не встретит больше никогда.

Глава 1

1

– Не стоит переваливать вину с отсутствия ума на нелюбимое имя! – ответила Ульяна и слабо толкнула ее плечом. Она не обиделась на злые слова подруги, поскольку, во-первых, они с Ульяной уже долгое время пребывали в серьезной ругани и толком не разговаривали, лишь изредка перебрасывались фразами, в основном когда дело касалось заказа или когда Ульяна опять кому-то нахамила. Во-вторых, Ульяна хамила всегда и всем. И в-третьих, Ульяна была права.

Ульяна первой узнала новость о ее скором замужестве с Цветковым Александром Сергеевичем, новым владельцем кофейни-кондитерской, в которой работали они обе. Первое время Ульяна постоянно шутила, что он без пяти минут Пушкин, правда, бездарный и помешанный на своем бизнесе.

– Пушкин двадцать первого века. Тот писал стихи, чтобы танцевать с жеманными барышнями, а этот ведет девушек в собственный ресторан.

Ульяна громко смеялась над неумелыми попытками ухаживания Цветкова, пока она не сообщила ей, что сказала ему «да».

– Что да? – уставилась Ульяна.

– Я сказала ему «да», – чуть слышно повторила она.

За ее словами на пол полетел дорогуший стакан, который Ульяна протирала мягким белоснежным полотенцем. Стакан разбился шумно и горько, прямо как все ее тридцать лет разом, когда она ответила согласием. Она хотела что-нибудь сказать теперь уже, наверное, бывшей подруге, что-нибудь возразить или доказать, как делала это всю свою жизнь, только никак не могла оторвать взгляда от переливающихся стекляшек под ногами. Стакан-то дорогуший, что придется Цветкову делать денежный вычет из зарплаты Ульяны. Нет, он не ценит и не уважает дружбу, ни женскую, ни мужскую, ни человеческую в целом. И да, он обожает партнерство. Прошлые выходы Ульяны остались забытыми, потому что она просила за нее, позволила Цветкову приблизиться к ней и чувствовать себя желанным, отчего он простил Ульяну.

– Дура! – заорала Ульяна на нее и швырнула еще один стакан об стену. – Какая же ты идиотка! Невыносимая, просто невыносимая дура!

– Стакан...

– Да пошла ты!

С того вечера они больше не разговаривали. Ульяна молча работала за стойкой, а она поглядывала на нее со стороны. И все же первой произнесла:

– Ульян, давай прекратим?

– Что именно?

– Ссору.

– Это не ссора, это ты поступаешь гадко! Ты же не любишь его!

Она вздохнула и протянула руку Ульяне для перемирия:

– Ульян, пожалуйста. Не бросай меня. У меня больше в этой жизни никого нет.

Та тоже вздохнула и протянула руку. Они помирились.

Вечером после работы она одна направилась домой. Узкие улицы Приморья больше не радовали ее, как когда-то. В них отныне не сквозили синяя вечность и вечный покой, о которых она мечтала, держа Рому за руку. Уличный шарм испарился вместе с Ромой куда-то за бесконечный горизонт. Она все чаще вспоминала первые дни их переезда, эти, на ее взгляд, счастливые минуты. Ведь все тогда было: и любовь, и страсть, и поцелуи до рассвета. Казалось бы, все как у всех: что-то ушло, а что-то пришло. Вот и свадьба с Сашей не за горами, а они

до сей минуты и не поцеловались ни разу. Да и в постель она его не пускает. «Как Шарика на привязи у крыльца держишь, – оскалилась на нее однажды Ульяна, вновь подшучивая над „Пушкиным“. – Голодный пес – злой пес». Не было бы в ее жизни Цветкова, если бы не Захар со своими дурацкими фотографиями. Хотя кто знает? Может, и к лучшему.

Она глубоко втянула морской воздух, уже не такой насыщенный, как в первый раз. Море безбожно угасало. Она снова не ответила Цветкову, который звонил и звонил. Просто она не отвечала, пока дышала воздухом последней свободы. Зря все женщины стремятся замуж, ничего там хорошего нет, впрочем, как и во всем происходящем в человеческих судьбах.

Наконец она добралась до белокаменной, похожей на римский Колизей, высотки. Квартиру выбирала она сама, а арендовал ее Цветков. Но пока она бродила по новому дому в полном одиночестве, зачастую не зажигая свет и притворяясь, будто никого нет, а иногда, наоборот, включала все лампы и сидела на полу в гостиной как в ярком луче стадионного прожектора.

В одинокие гнетущие минуты она часто задавала самой себе вопросы, почему у нее нет и никогда не было полноценной семьи? Почему у нее никогда не было настоящих и преданных друзей? Почему все люди, встречающиеся на пути, разбегались врассыпную, как пугливые тараканы уносят свои крошечные задницы с внезапно освещенной кухни? На второй вопрос находился некоторый ответ: теперь-то у нее есть друзья – Ульяна, Егор и даже Захар, которого язык не поворачивался назвать другом. Они были у нее, такие разные и не похожие друг на друга: своенравная и по-особому добрая Ульяна, вечно летающий в облаках Егор и Захар, о котором она не решалась думать, в особенности в одиночестве. Впрочем, помимо этого она также отлично знала, что они рядом ненадолго; так бывает, она привыкла, что все испаряются из ее жизни рано или поздно. Эту невеселую игру с судьбой она ненавидит с рождения – стоит прикипеть к кому-нибудь или обрадоваться, как судьба выставляет к ее носу огромную волосатую ручищу с жирной дулей и приговаривает: «А вот хрен тебе!»

Этим поздним вечером она проходит сразу же в спальню, не раздевшись, ложится в постель, укутывается одеялом до самой макушки. Ульяне не понять, отчего она винит свое родное имя – Милена. Ульяна всегда была и будет Ульяной, так нарекла ее любимая мама, которая зовет ее не иначе как Уля или Улечка. А вот она не знает, кто назвал ее Миленой – мать или отец? И как так вышло, что в простой семье родилась Милена, о существовании имени которой не слышал целый поселок. Спустя много лет, раздумывая над той точкой отчета, с которой все покатило по наклонной, она наконец сообразила, где ее искать. Любой корабль начинает свой долгий путь не от причала, а от названия. Все они придуманы для конечных целей морских путешествий, угрожающих, экспедиционных, прогулочных, поэтических или просто-напросто хвалебных. И корабль гордо несет свое имя, разбивая кормой волны и раздувая пожелтевшие от просоленного воздуха паруса. Ее же Миленой назвал кто-то неизвестный и только по одной-единственной причине, что ребенку, во всяком случае, нужно имя. А еще ей часто говорили, что лучше бы она вообще не родилась.

В августе 1987-го года в один и тот же день произошли сразу два события. В Михайловске, в поселочной черте города, родилась она, а далеко от Михайловска, за тысячи километров, в другом городе на здание детского сада упал самолет. Это случилось в обеденное время, и дети уже крепко спали в своих кроватках. Это была очень счастливая смерть, тихая и мимолетная, о какой можно только мечтать. Самолет падал бесшумно, но мгновенно накрыл тяжелым весом небольшое кирпичное здание.

О рождении Милены, о разбившемся на летных учениях самолете и о погибших детях мир так и не узнал. Появление еще одного человека на свет, равно как и безутешная гибель нескольких других, обошло мир стороной.

В какое время родилась она, Милена не знала. Утром, в обед, ночью, а может быть, на рассвете или во время заката? Час ее рождения оставался загадкой. Когда она подходила

с расспросами к матери или к деду, то никто не мог толком ей ответить. Когда они пребывали в хорошем настроении, то просто пожимали плечами и отмахивались от назойливого вопроса маленькой любопытной девчонки, но когда настроение было хуже некуда, то обычно прогоняли ее. Расстроенная она возвращалась в свою маленькую комнатку, забиралась на высокую кровать и придавалась неутешительным, вымышленным ею самой воспоминаниям. Она воображала двадцать третье августа 1987-го. Это должен быть непременно жаркий день, пахнущий цветами и плодами. Ее мать в красивом пестром сарафане разгуливает по пышному саду, где все цветы так вымахали за благодатное лето: ярко-желтые и огненно-рыжие бархатцы, высокие стрелы красных гладиолусов и бордовых георгинов, полчище мохнатых маленьких и разноцветных астрочек. Она любила день своего рождения. Именно конец лета, когда природа раздает свои дары людям. Запах медовых яблок и терпких груш, бархатная сладость арбузов и дынь, и ее любимые персики и абрикосы, которые позже мать привозила с рынка. Примерно в такой, насыщенный беспечным счастьем и нерушимым спокойствием, день она и должна была родиться. Это были ее детские грезы, детские мечты, которые разбивались сразу же, открывая она глаза.

Миленой в поселке ее никто не звал. Звали по старой привычке Ленкой – пожилые соседи; дед Алексей, казалось, совершенно не осведомлен о присутствии в доме маленькой девочки, а мать и вовсе избегала обращаться по имени, в особых случаях крича только: «Миленка!» Многим, на удивление, невероятно сложно было выговаривать столь дивное имя. Они, словно на показ, вытягивали губы в сальные трубочки и катали имя на своих злых языках, одновременно посмеиваясь и гордясь своими собственными. Как-то раз она набралась смелости и осторожно подошла к матери, которая раскатывала огромный блин теста для приготовления домашней лапши. Милена до дрожи в коленках обожала домашнюю лапшу; наверное, с ее приготовления в детском сердечке и зародилась страсть к стряпне. Сперва она с замиранием следила, как мать насыпает белоснежную муку, почти шелковую на ощупь, в плоский таз, затем наливает из кувшина чистую воду, разбивает туда яйца, глядящие на нее пугающими морковного цвета глазищами. Затем мать проворно месила тесто, напрягая руки и шею, скатывала гладкий и блестящий шар, чтобы на некоторое время убрать его и дать тесту отлежаться. Нетерпеливо Милена ждала, когда тесто «отдохнет», и мать примется раскатывать его в наитончайший пласт, ведь после этого она разрешит ей взять маленький, но очень острый, ножичек и воткнуть его в мягкую плоть свернутого в длинный рулет теста, и нарезать соломкой. Мать не отвлекалась на нее, потому она тихо задала свой главный вопрос:

– А меня всегда хотели так назвать?

Мать отложила скалку в сторону и поглядела на нее, между бровей пролегло смятение:

– Честно, я не знаю. Я знаю только то, что изначально хотели назвать тебя Олей. Но потом кто-то передумал, и получилось то, что получилось.

Она была по-детски разочарована ответом.

Таких вот Оль полным-полно в поселке: одна жила на углу улицы, другая за углом, еще одна разливала пиво в местной пивнушке, всегда окруженная разгоряченной толпой мужчин, еще одна жила через соседский дом. С последней Ольгой дела обстояли и вовсе ужасно. Милена боялась ее странного дома, потому никогда не играла около его забора, не паялилась просто так на его окна. Все знали, что муж Ольги Иван ее поколачивает, хорошо поколачивает до синяков и разбитого опухшего лица, особенно это случалось тогда, когда Иван не мог стороной обойти пивнушку. Бывали такие ночи: в поселке стояла тишина, ни людского голоса, ни воя собаки, только тяжелые всхлипы Ольги и гулкие тупые удары Ивана. В одну из таких жутких ночей в дверь дома Милены кто-то отчаянно заколотил. Милена не спала, прислушиваясь через открытое окно и дрожа от внезапного страха за Ольгу. Услышав стук, она чуть вскрикнула и сжалась под одеялом, но лишь на мгновение, поскольку мать зажгла свет в коридоре и уже впускала ночную гостью. Милена навсегда запомнила ее глаза: выпученные и красные,

как у бычка, которого вот-вот охолостят. Ольга все время повторяла и повторяла, чтобы ее спасли, но мать смотрела на нее сверху вниз, холодно и с презрением.

– За каким чертом ты к нам пришла? У меня ребенок маленький спит! А ну, вали к своему мужу!

– Нет-нет, мне нельзя туда, – бормотала себе под нос женщина.

Мать с неохотой уступила. Пропустила Ольгу в дом, а Милена велела обратиться с глаз долой в комнатушку. Через несколько минут под дверь заявился Иван, орал как резанный и со всей дури колотил по чужой двери, выкрикивая имя жены. Что произошло дальше, Милена помнила фрагментарно, ибо все замельтешило по коридору: свет, ее мать, разъяренный Иван и безумная Ольга, их слова, взмахи руками и ногами. Иван что-то пытается прокричать, но не может, так как его шею сдавила мать, она крепко прижала его к коридорной стенке и не отпускала. Мужчина, как маленький мальчонка, лишь болтал ногами и крутил головой. Мать словно чего-то выжидала, и это что-то не заставило себя долго ждать. Сначала Милене подумалось, будто Ольга кинулась, чтобы помочь удержать мужчину, однако она ошиблась – женщина бросилась на мать с воем и ругательствами, насмерть вцепившись в ее руки, отдирая их от шеи мужа, при этом умудрившись плюнуть в материно лицо. Иван упал на пол, а Ольга принялась его целовать и гладить по голове. Утешала.

– Ты моего мужа не тронь! – заорала она. – Я на тебя быстро управу найду!

И странная парочка – он хромая, она, растирая застывшую кровь на лице, – вышли за дверь в теплую летнюю ночь.

Мать еще несколько минут постояла на пороге, потом погасила свет и прошла к себе в спальню, упав на постель, зарыдала. Милена побежала за ней и упала рядом с ней. Она опасалась что-либо говорить ей и только погладила ручонкой по волосам. Какая сильная и бесстрашная у меня мама, думала она, ведь она сама так перепугалась, что аж пальцы похолодели. И вдруг эти слезы, почему она плачет? Неужто соседку-дуру пожалела? Она продолжала успокаивать, теребя пряди волос, пока мать не поднялась.

Сколько Милена себя помнила, столько Ольга и Иван устраивали подобные сцены. Ольга бегала по соседям и звала на помощь, Иван возвращал жену домой и продолжал бить. Уже будучи девушкой, Милена однажды услышала разговор уличных стариков с также стареющей Ольгой.

– Когда бросишь Ивана? – спрашивали старики. – На кой черт он тебе сдался?

Ольга потупила взгляд, почертила песок туфелькой, прямо как девица застенчивая, и тихо ответила:

– Люблю. И он меня любит.

Однако в тот же год, когда Ольга ворвалась в их дом, но только зимой, за несколько дней до Нового года, Милена с подружками играли в снежных сугробах. Декабрь выдался снежный и ласковый. И этот день был чудесен с самого утра, оттого и она проснулась в бодром настроении. Она не стала даже завтракать, а лишь выпила стакан молока и побежала одеваться. Мать с негодованием покачала головой, но она заметила на ее лице едва уловимую улыбку. Мать улыбается – верный знак, что все будет хорошо. А еще, помимо улыбки, она подошла к ней и потуже завязала пояс на шубке, поправила шапку, разве только не поцеловала. Мать никогда не целовала. Ну и ладно, она была счастлива просто так, что бежит на улицу к подружкам. Милена вышла во двор, на широкую улицу, по которой не ездили машины, и все ребята играли в любом месте. От яркого солнца слепило глаза, и она прикрыла их рукой, а снег сиял почти голубым, кристально-голубым. И запах! В поселке удивительно пахло: свежим снегом, хрустящими шагами прохожих и их замороженными одеждами, пахло теплыми домами, еще хранящими ночной жар, пахло дымящимися трубами от затопленных печей, что, казалось, Милена слышала ни на что не похожий треск поленьев. В такие минуты она знала – так пахнет зимнее счастье. Милена вдохнула полной грудью и бросилась прямо в толпу укутанных девчонок. Все

вместе, разделившись на пары, они принялись играть с санками. Сначала везет один, затем другой. Теперь настала очередь Милены сидеть в маленьких санках и поглядывать на пробегающие мимо дома. Она так увлеклась разглядыванием огромных сугробов, порой скрывающие дома по самые окна, что и не заметила, как подружка, катившая ее, врезалась в мужчину. Она быстро перевела взгляд на него и узнала в нем Ивана. Он пристально разглядывал Милену, что той стало неловко. Она захотела быстро выкарабкаться из узких санок и уже уцепилась руками за бортики, как Иван, толкнув подружку прямо в сугроб, одним прыжком оказался рядом с ней. Его нога в тяжелом зимнем ботинке больно ударила ее по левой руке, опрокинув санки. «Ненавижу вашу семейку», – зашипел он и кинулся бежать прочь.

Выбираясь из-под саней, она не плакала, а крепко зажмурила глаза, так крепко, что заболело лицо, однако боль в руке была сильнее. Милена еще не знала, что Иван сломал ей два пальца. Помимо этого, она также не подозревала, что ее семью в поселке действительно ненавидят и боятся.

– А кто меня так назвал? Ты или папка? – все не унималась с расспросами Милена.

– Хватит болтать, – вскипела мать. – Бери нож и режь лапшу.

Она было открыла рот, как мать тут же скомандовала:

– Молча!

И ей ничего не оставалось делать, как кромсать лапшу, иногда всхлипывая носом и слушая краем уха щебетание черно-белого телевизора. Кости в пальцах уже срослись, и управляться ножиком ей не доставляло боли, как раньше когда она носила гипс. Сейчас бывало – она просыпалась темной ночью и чувствовала легкое онемение на кончиках, и слегка потеряв руку, снова засыпала. А до этого, впервые увидев загипсованные пальцы, носила руку бережно, прижимая ее к груди, как маленькое, раненное животное. Она с такой силой вошла во вкус, представляя руку зверьком, что машинально проводила по больной руке здоровой, успокаивая и лаская, частенько приговаривая какие-нибудь добрые слова. Как-то мать это заметила и спросила, с кем она постоянно разговаривает. Ни с кем, буркнула она в ответ, защищая зверька. Ей хотелось его оберегать и дарить ему защиту, будучи самой беспомощной перед злым миром, в который теперь и она попала, где и сосед не друг, и друг не сосед, а врагом может оказаться кто угодно.

После этого случая Милена смотрела на мать с восхищением, но и бояться ее стала больше. В матери все переменилось, и на несколько месяцев следы еле существующей улыбки бесследно исчезли. Она безразлично смотрела на Милену, на ее руку и пальцы; бесстрастно справлялась с ее телом, когда мыла в крохотной бане или заплетала косы, и, глядя на суровое лицо матери, Милена не показывала боли, стойко стояла у банной лавки или у спинки кровати, защищая раненного зверька. Она вспоминала, как вернулась домой и осторожно стянула варежку, показывая пальцы. К ее изумлению, мать сразу же спросила, кто это сделал. Однако Милена ответить не могла – ее крепко-накрепко зажатый рот словно стянуло в один заштопанный шов – и она потупила глаза. Мать в одном домашнем платье, лишь накинув на плечи шаль, выскочила за дверь в зимний вечер. С того дня Иван зловеще зиркал глазами в сторону их дома и все чаще бил Ольгу.

Мать ни в коем случае нельзя было назвать злой, бездушной или бессердечной. Намного позже Милена догадается, что ненависть Ивана берет свое начало далеко до ее рождения, за много лет назад, и это страшное знание не даст ей покоя, будет заставлять снова и снова возвращаться в тяжелое прошлое.

Перед матерью робел даже дед Алексей, который жил с ними. Одного ее взгляда достаточно, чтобы дед прекратил ворчать. Зато Милене доставляло удовольствие слушать дедовское ворчание: он представал в ее глазах почти безжизненным стариком, коротающим свои дни на пороге крыльца дома. Наверняка он кого-то там ждет, думала она, наблюдая за его ежедневной службой. Старый ворчун, дразнила она его и заливалась смехом, когда он грозил ей

сухим кулаком. О старости как таковой, она еще не помышляла, как и о смерти. Никто в доме не болел, не кашлял, не страдал и не умирал, как происходило по всему поселку. До Милены доходили жуткие рассказы о смертях. Смерть как рассказ, передающийся из уст в уста; смерть как предвестие многочисленных толп, проходящих по улице покойника; смерть как мертвые букеты, подаренные в последний раз и затоптанные ногами; смерть как холодное дыхание заколоченных ставен заброшенных домов. Это все, что она знала о смерти. И родной дед виделся пока ей обыкновенным старым ворчуном, гораздо старше ее матери, и мысль, что на крыльце он давным-давно ждет не просто редкого гостя, а редчайшего, единственного в своем числе, которому он пожмет ледяную руку и сдаст свою службу, не приходила ей в голову. Как и любой ребенок, Милена никогда не задумывалась о жизни своих родных до ее собственного рождения. Взрослая мать, старый дед и совсем молоденький отец Андрейка. Когда она появилась на свет, они уже такими существовали. Что мать была молодой женщиной, девушкой и девочкой, поведали пожелтевшие черно-белые фотографии из старого альбома, обтянутого в красный бархат: молодость матери жила лишь в пределах альбома, расписанного по датам и событиям. Эти фотографии несли историю приглашений на свадьбу, приглашение в фотоателье, портреты неизвестных родственников на долгую и вечную память, рождения детей, похороны. Еще один факт о смерти – похороны, запечатленные на бумаге, смерть, застывшая в одном щелчке фотоаппарата. И молодость матери среди посеревших событий памяти.

Поверить в молодость деда было слишком трудно, не сохранилось фотографий, лишь многочисленные ордена, пришитые к черному пиджаку, который дед надевал по особым случаям. Историю жизни деда Алексея не сохранила даже его собственная память. А ее молодой отец Андрейка, от которого всегда пахло машинным маслом, был слишком молод, чтобы превратиться в старика, не помнящего прошлого дня. Милена не верила в отцовскую старость, как не верила в дедову молодость.

Однажды одним вечером она достала злополучный альбом памяти, чтобы снова разглядывать картинки. Ей казалось, что именно там она сможет найти ответ на свой вопрос. Имя. Откуда взялось ее имя? Может, ответ прочтает в глазах родственников или прочтает имена на обороте фотокарточек. Может, найдет там то, что кто-то однажды спрятал и позабыл о тайнике? Она с усердием вглядывалась в лица... Она еще не ходила в школу, но читать умела. И благодаря подписанным фотографиям тоже. Однако все имена в них были другими, чужими. Она отложила альбом. Закрыла. Вновь открыла. Долистала до самой последней страницы, где предыдущие листы были пустыми и мертвыми. Или же ждали своей участи, решила она. Кто-то должен заполнить пустоту своими фотографиями, новыми событиями о рождении, школе, свадьбе, снова рождении и похоронами. Она провела кончиками пальцев по заднику альбома, по его бархатной поверхности... И почувствовала уплотнение. Там явно что-то находилось. То, что прольет свет на ее тайну. Милена пальцами подцепила бархатный край и рванула его на себя. Ей на колени посыпались фотографии.

Их было немного. Десять штук. Все старые и потрепанные. На некоторых присутствовали ее мать и дед. Они прямо смотрели в объектив, а между ними на одной фотографии сидела девочка, маленькая, как Милена. Потом их было четверо: мать, дед, эта девочка и маленький мальчик. Затем были фотографии только одного мальчика, он улыбался и держал ладонь козырьком у лица, видимо закрываясь от солнца. Но больше всего внимание Милены привлекли другие снимки – молодой девушки невероятной красоты. Она уже видела по такому же черно-белому, как фотография, телевизору красивые фильмы с красивыми людьми. Как Брижит Бардо, позже она скажет сама себе, когда станет старше, но тогда она не знала этого имени, как не знала имени девушки с фотографии. Та смотрела на нее отстраненно, будто назойливое разглядывание ее лица ей вовсе не мешает, а, напротив, льстит. Девушка позволяла любоваться своей красотой, но что-то в ней было знакомо, что-то роднило Милену с ней. Отвлеченный взгляд больших глаз, пухлые, слегка приоткрытые губы, прямой нос и пышная, поднятая

наверх, копна волос. «Женька», – прочитала она на обороте. Почерк. Материн почерк она всегда узнает из тысячи, им исписаны все тетради в доме – материны кулинарные книги. Этот изящный наклон букв влево, буквы крупные и пузатые, будто выпуклые и их можно потрогать пальцами. Она так и сделала. «Женька и подружки», – прочитала на второй, где Женька и еще две девушки, по всей видимости, изображали актрис. Женьку она узнала моментально: та стояла в центре между подругами. Милена поняла одно – если бы Женька находилась слева или справа, позади кого-то, то все равно она была бы в центре. Подруги, цветник за их спинами – это лишь фон для нее. «Женечка» – на третьей, где Женька похожа на одну из тех красивых женщин из фильмов: узкое, приталенное платье, плотно облегающее фигуру, высокая прическа, темные очки. Мать любила Женьку. Кто была эта девушка, чье имя выводилось с любовью, обрисовывая каждую букровку? Милена не успела об этом начать размышлять, так как произошло два события. В комнату вошла мать, а она уже взяла в руки следующую фотографию – оркестр, толпа, похороны. «Женькины похороны».

2

Егор считал себя единственным человеком на всем белом свете, которому нравились дорожные пробки. Правда. И он до сих пор не мог определить, каким же пробкам отдает большее предпочтение: утренним или вечерним.

Сам же по натуре он был ранний, утренний, а спать ложился поздно. И как ему удавалось сохранять бодрый дух, никто понятия не имел, даже он сам. С первыми проблесками рассвета он уже на ногах, ему не терпится поскорее выскочить за пределы квартиры и отправиться на первую пару. Он настежь раскрывает окна и впускает осень, яркую, красочную и медовую. Медовую потому что под окнами у него растут липы, и то, что они отцвели больше месяца назад, его не огорчает, ведь их запах он знает с детства. Все его детство пропитано запахом меда, он рос вместе с деревьями и их цветками. Осенью он ощущает особый прилив сил. И вот ведь странная и необъяснимая штука, из всех его знакомых никто не любит осень как таковую, так, отдельные ее элементы: шуршание листвы, боевой клич птиц, желто-розовое небо, пронзительный солнечный свет, который отличается от летнего, знойного и утомляющего. И только у него начинается настоящая жизнь, в которой даже в ежедневнике особо важные события назначались на осень. Сентябрь и октябрь – вот его сила – начало учебного года в университете.

Егор любил вождение. Неспешное и осторожное, а опасной езды избегал. Перед тем как сесть в автомобиль, он долго шагал по липовой аллее, вдыхая только ему ощутимый аромат и унося его с собой на весь рабочий день. Конечно, я утренний, думал он и улыбался.

Стоило автомобилю вывернуть с переулка и въехать на главную дорогу, как он тут же попал в пробку. Утреннюю. Егор достал из рабочей сумки томик зарубежной классики, устроился удобнее и погрузился в чтение, поглядывая на дорогу. Читать ему никогда не надоест, и утреннее чтение было особенным. Сентябрьский свет мягко падал на белоснежные листы издания, делая чернила маслянистыми, бегущими по строке, торопящимися под его прожорливым взглядом. Егор пропадал. Будто стоял у края пропасти, последний раз окидывал взглядом мир и прыгал. . . Он не погружался медленно и томительно, не летел вниз, цепляясь за препятствия, а сразу же бился головой о пучину.

Продолжается все до тех пор, пока задние сигнальные фары впередистоящего автомобиля не подадут знака – поток двинулся с мертвой точки.

Он никогда не парковался у парадного крыльца университета, а оставлял машину в крохотном закоулке, прямо позади университетских общежитий. «Закоулок Егоровский» стал весьма известной достопримечательностью среди преподавателей, шутивших над Егором, который никогда не изменял своим правилам. В любую погоду он упорно шел по узкому тротуару, рассеянному временем паутиной трещинок. По этому тротуару Егор первый раз про-

шел на свое самое первое занятие в качестве студента-первокурсника и больше не сворачивал с пути. Порой он и сам смеялся над собой, но ничего изменить не желал. И как можно избавиться от столь чудесных, пусть и ежедневных, мгновений? Одно мгновение – один шаг, а их от закоулка до крыльца университета ровно тысяча. Егор считал. Целая тысяча прекрасных мгновений, которых не замечали глупые по молодости, но такие им любимые, его студенты, впопыхах бегущие с пар в общежитие. Сколько раз он пытался тащить с собой по тротуару девчонок и мальчишек, намеренно замедлял шаг, и тем приходилось уныло следовать за своим преподавателем, переглядываясь и считая минуты, когда Егор Андреевич наконец-то свернет в «Закоулок Егоровский». Егор шел чуть впереди, как главарь, и говорил, говорил, говорил. Ему нестерпимо хотелось поделиться с ребятами. «Осенью, – об этом периоде он говорил с особой теплотой, – здесь невозможно не прогуляться! Еще бы!» Ведь вдоль дорожки тянулись цветочные клумбы, источающие его любимый медовый аромат. Маленькие, совсем простенькие цветочки, которые Егор называл «кашкой» за внешнее сходство с крупой: утром и днем цветы молчали, а с наступлением сумерек болтали без умолку, наполняя улицу сладостью. Егор не мог надыхаться и начинал думать, а может, я все-таки вечерний? «А зимой еще чудесней!» – продолжал он. В зимние месяцы он заметил за собой одну странность: возвращаясь вечерами по тротуарчику, разглядывает чужие окна. Представляет, как за обледеневшими стеклами кипит жизнь, а он здесь, снаружи, прячущий нос в шерстяной шарф и прижимающий руки крепче к телу, чтобы согреться. И ожидание тепла, и дома делали его вечернюю прогулку упоительной, потому что, усевшись сразу же в машину, он бы уже навсегда растратил тысячу мгновений.

– Ну а весной? Весной тут лужи стоят, к общаге хоть на лодке плыви, – ворчали студенты.

– Вы что! – специально округляя глаза, вскрикивал Егор. – Весной цветут яблони!

А летом...

– А летом мы не учимся. – И студенты заворачивали к общежитию, весело, на прощание, размахивая Егору руками.

Он улыбался и качал головой. Вот же глупые! Однако однажды после вечерних занятий он засиделся в машине в своем закутке и невольно стал свидетелем событий, на которые так спешат его студенты после пар. Скромные и молчаливые на занятиях, они разбивались на парочки и стеснительно, будто спрашивая разрешения, шагали по его заветному тротуару, останавливаясь, чтобы поцеловаться и взяться за руки. Егор усмехнулся – у ребят любовь, а он им про яблони в цвету. И на следующий же день пораньше отпустил группу с занятий – пусть у них будет чуть больше времени на поцелуи, решил он.

Егор почти добрался до университетского крыльца, как его кто-то окликнул. Он обернулся, и мальчишка остановился в метре от него, запыхавшийся и приглаживающий взъерошенные волосы.

– Я за вами от переулка бегу... – он откашлялся и продолжил: – Здравствуйте, Егор Андреевич!

Егор успел только рот открыть, а парень уже сунул ему в руку маленький бумажный сверток, при этом оглядываясь по сторонам. Осторожно развернул листок и пробежал глазами по написанным от руки – явно мальчишеской – строчкам. Пока он читал, парень старался не смотреть на него, а глядел куда-то вдаль, изображая вид занятой и серьезный, и только разливающаяся краска по лицу выдавала его смущение.

– Эти тоже хорошие! – с искренностью заключил Егор, возвращая записку. – Лучше. Гораздо лучше!

– Правда?

– Правда.

Парень нахмурился. Спрятал бумажный лист в карман брюк.

– Но они не достойны, чтобы их читали.

– Почему же? – спросил Егор.

Тот пожал плечами. Понятно, подумал Егор, самая простая причина. Страх.

– Тогда перестань писать. Или сделай то, что давным-давно пора сделать. – Парень хотел что-то возразить, но Егор оборвал его на полуслове: – В любом случае, это делается не столько для себя, сколько для другого. Ну, или для другой.

Егору же ничего не нужно было объяснять. Он понимал все прекрасно сам: с какой целью Дима Кузьмин в последнее время приносит ему на одобрение свои стихи. Единственное, что не ясно Егору, почему парень выбрал именно его? Проза или поэзия? Последний раз подобным вопросом он задавался много-много лет назад, когда стоял перед огромным, во всю стену, книжным стеллажом и не знал, с чего начать. Но те времена канули в далекое прошлое, а он крепко связал себя с любовью всей его жизни – прозой.

Иногда, читая четверостишья Кузьмина, он после обманывал парня и говорил, что стихи хорошие. Старался говорить уверенно, ровным тоном, будто член жюри поэтического конкурса. Кузьмин дорожил словами Егора, внимательно выслушивал замечания и в следующий раз приносил исправленный вариант. Егор читал их снова и снова одобрительно качал головой. Собственно, этот стих парень пишет уже второй год. И стих о любви, вернее, любовное послание к юной особе, свою любовь к которой Кузьмин тщательнейшим образом скрывает. По сути, Егор не лгал парню, что стихи хороши, ведь дело-то в ином. Егор не столько не понимал поэзии, сколько терпеть ее не мог. Для него она была не больше, чем пресная рифма двух слов с одинаковым звучанием на конце. Поэзия прекрасна в песне, когда слова сливаются с нотами и голосом исполнителя. Сама по себе музыка Егора как литератора не привлекала, а вот слияние с ней слов, поистине имеющих живой смысл, – это да. Оттого-то Егор в первый раз растерялся, когда Кузьмин попросил «послушать его стих»: попросту побоялся обидеть молодого человека своим невежеством.

– Я не готов читать их ей. – Испуганно пролепетал парень. – Еще рано, коряво написано.

– Дима, послушай! – Егор принял позу лектора. – Ты можешь целую вечность писать этот стих, переставлять слова местами, выкидывать строчки и добавлять новые. Ты даже можешь выдумать новые слова! Только это все не имеет никакого значения, имеет значение одно – твои чувства! Через стих ты передаешь чувства, а чем больше стараешься сделать его идеальным, тем больше он теряет твое чувство, становясь чужим!

Егор похлопал Кузьмина по плечу.

– Просто передай ей то, что чувствуешь. Не выдумывай!

Кузьмин обещал подумать. Над чем – не уточнил, то ли над предложением не выдумывать лишних и пустых, но прекрасных по звучанию, слов, то ли над новым стихом. А Егору захотелось курить. Он по старой привычке потянул руку к карману. Черт, бросил. От желания аж зубы свело. Наплевав на ученую степень, он стрельнул сигаретку у студентов матфака, и выкуривал ее так мучительно долго, затягиваясь и забывая горло горечью, пока жар не опалил пальцы.

По обыкновению Егор направлялся к лекционной аудитории важно, размеренной походкой, поглядывая на наручные часы. Лекция должна начаться уже как десять минут назад, но он не спешил: поболтал с коллегой с кафедры философии, вместо центральной лестницы выбрал боковую, чтобы увеличить путь до аудитории. Он любил заставлять студентов ждать его. Золотое правило студента – пятнадцать минут. Если через пятнадцать минут от начала занятия преподаватель не объявился или не сообщил старосте по телефону, что задерживается, студенты смело сбегают с пары, предварительно сговорившись на побег между собой, и осторожно заметая следы. Егор задерживался минут на семнадцать – восемнадцать. Всегда выдерживал это время.

Поднявшись на последнюю ступеньку, он повернул в слабо освещенный коридорчик, в конце которого уже томится второй курс. Громко они решают: свалить или остаться? Эти

ребята пока незнакомы с Матвеевым Егором Андреевичем, преподавателем зарубежной литературы, и не сильно обращают на него внимания. Прошлую ознакомительную лекцию Егор отменил из-за внезапного разговора с деканом. Все старшекурсники знают излюбленную привычку профессора Матвеева опаздывать, потому ждут до последней восемнадцатой минуты, а новички теплят надежду: вдруг препод не придет? Именно это и нравилось Егору – дарить пусть мнимую, но маленькую надежду, которой так не хватает каждому в жизни. Придет или не придет? Спросит или не спросит? Сердце любого человека находится в вечном ожидании чего-то лучшего, лучше, чем есть сейчас, лучше, чем будет завтра, потому что та, следующая за настоящим, минута будущего – манящая, ведь всего за минуту может произойти все что угодно! И именно на нее возлагают все свои надежды. Препод не придет и не спросит, правда только в том, что он придет в другой раз и обязательно спросит, на то он и препод. Егор не забывал это и не давал забывать студентам, но дарил им минуту надежды, чтобы после они, скрепя зубами, занимали учебные места и учились не только литературе, но и стойко нести жизненные разочарования. Разбитые надежды закаляют. Егор это отлично знал на собственной шкуре.

– Он не придет! – выкрикнул из толпы паренек. – Я говорю вам! Не придет!

– Как же я не приду? – улыбочиво ответил ему Егор и под разинутые рты вставил ключ в замочную скважину аудитории. – Проходим, ребята!

Молодые лица студентов радовали его. Нескладные фигуры парней, тонкие и изящные фигурки девчонок, мужские басящие голоса и звонкие переливистые женские. Он наблюдал, как ребята готовятся к занятию: у всех парней одна схожая друг на дружку тетрадка, за одним исключением, не каждая выглядела чересчур измученной; у девчонок целая куча канцелярских принадлежностей. Стоя за кафедрой, Егор улавливал особый запах канцелярии – чистоты, древесины, заточенных карандашных стержней и разноцветных фломастеров, где темные цвета почему-то пахнут терпко. Он ощущал себя на месте среди молодого цветника, радуясь их то восторженным, то негодующим вздохам. Тут, в университете, бушует жизнь, молодая и сильная, и Егор чувствовал себя сильнее, моложе, крепче, но никак не профессором, взрослым, почти сорокалетним, мужчиной.

Он окинул взглядом аудиторию и кротко улыбнулся.

– Доброе утро. Меня зовут Матвеев Егор Андреевич, я буду вести у вас дисциплину под замечательным названием «Мифология».

«Пообедаем вместе?».

Рядом с вопросом Егор нарисовал ответ в виде улыбки и придвинул лист к ней поближе. Она поглядела через его плечо и довольно улыбнулась. Лара. Вернее, Лариса Николаевна, старший преподаватель на его кафедре. Пока Егор украдкой разглядывал ее лицо, она перевела взгляд на декана Гордиевского и принялась внимательно слушать речь о предстоящих выборах нового декана. Все преподаватели с факультета филологии упорно звали ее Ларисой Николаевной, и только декан позволял себе в исключительных случаях назвать ее Ларисой, не переходя уважительной черты. Егор навсегда запомнил день их первой встречи. Тогда он только что защитил кандидатскую, занял должность заведующего кафедрой зарубежной литературы и переступил порог своего тридцатилетия. То, что ему суждено занять это место, Егор знал еще первокурсником, когда он впервые прогуливался по университетским коридорам. Все двери как двери, а дверь этой кафедры особенная. Тяжелая, массивная, с дивным скрипучим звуком, как дверь в иной мир – храм знания, мудрости, откуда появлялись мудрецы, несшие за спиной свет. Этот свет ослепил Егора, и он продал душу кафедре зарубежной литературы. Тогда он плохо разбирался в должностях, в ученых степенях, да собственно и не хотел забивать этой чепухой голову, ведь главное для него – должен наступить день, когда и он будет выходить, подобно мудрецу, и нести за собой свет. Перевоплощение из Егора – студента в Егора Андреевича – мудреца произошло в одночасье, когда он уже вовсе был не рад нести что-либо за собой

из этого кабинета. Волшебный свет оказался отнюдь не волшебным, а самым обыкновенным из окна, выходявшего на солнечную сторону и на университетский дворик. И в солнечном мерцании вместе с мудрецами наравне выходили и пересдающие экзамены студенты, и второгодники, и отчисленные. И, кроме того, Егор уже не в состоянии вспомнить в каком состоянии он согласился занять должность заведующего кафедрой. Он помнил, что согласно кивнул, ему потрясли руку, а он все думал и думал, что просто-напросто мечтал преподавать литературу. Потом он прошел в свой, но такой чужой, кабинет, где все было настолько ему велико, что у него закружилась голова – с чего начать? Все вокруг напоминало о присутствии предыдущего хозяина: забитые шкафы, неразобранные полки, засохшие цветы в горшках на подоконнике и пустые бутылки для полива цветов под ним, сломанные жалюзи и расхлябанное кресло, задвинутое за стол. Егор с непонятным ему самому вздохом уселся в кресло, чуть покачнулся в сторону, но ухватился руками за край стола и задержал дыхание, чтобы ненароком не грохнуться на пол. В этот миг его посетила одна занятная мысль-сравнение. Он никогда в своей жизни не ходил в ателье для пошива одежды, где портному пришлось бы снимать мерки: крутить его перед зеркалом, прикладывая к его телу измерительную ленту, тыкать в него иглками с разноцветными набалдашниками. Естественно, иметь собственного портного и носить сшитую исключительно для себя одежду – знак качества, знак отличия; это как раз именно то, что делает на несколько сантиметров человека выше, и речь вовсе не о росте. Но сидя за чужим столом, Егор ощутил себя балбесом, которому порекомендовали ценнейшего портного в лучшем ателье города, а он так и не соизволил навеститься ни на одну примерку, отчего костюм выдался невероятно огромным. И прежде чем согласиться на должность заведующего, он должен был задуматься хотя бы о том, что руководитель из него – никудышный. Однако уже было слишком поздно, отпусти он руки от стола – непременно свалится вниз.

Знакомство с Ларой произошло в обычный день, весенний и ясный. Егор почти обжился в своем новом кабинете, но так и не научился руководить. Дверь распахнулась, и первым вошел декан Гордиевский, а за ним девушка, которую представили как нового преподавателя истории литературы.

– Егор Андреевич, оставляю вам нашего нового коллегу! – И декан оставил их вдвоем.

– Лариса Николаевна, – повторилась она.

– Егор Андреевич, – второй или третий раз представился он.

Он не мог глаз от нее оторвать. Вместо того чтобы предложить ей присесть, он сам вскочил с кресла, едва не упав, и они продолжили беседу стоя на ногах – она в дверном проеме, он по пояс скрытый рабочим столом. Неуклюжий разговор между двумя литературоведами. Она, смущаясь, рассказывала о себе, об образовании, о стажировке в Польше, о своем решении преподавать именно в ЩГУ (Щегловский Государственный Университет). По всей видимости, закончив свой рассказ, она посмотрела прямо на Егора и терпеливо принялась ждать от него ответа. Воцарилось молчание.

– А вы? – еще одна попытка.

А что он? Он только и мог сказать, что влюблен...

– Егор Андреевич? – раздался вибрирующий от нетерпения голос Гордиевского.

Егор оторвался от созерцания Лариного лица и перевел взгляд на декана:

– Я?

– Ну, естественно!

Все рассмеялись. И Егору пришлось вновь вернуться в должность заведующего кафедрой зарубежной литературы и высказать свое мнение относительно предстоящих выборов декана, а заодно еще раз напомнить всему преподавательскому составу факультета, что напротив его кандидатуры не стоит ставить галочку. Ведь все сами знают – руководитель из него не лучший, а нынешний декан Гордиевский – самая подходящая кандидатура. Но по заговорщицким улыб-

кам он распознал, что его пламенная речь в который раз никого не воодушевила и на факультете готовится переворот.

Он уныло откинулся на спинку стула, схватил карандаш и нервно зачиркал по листку, обводя Ларин вопрос «Пообедаем вместе?».

– Не волнуйся, – Лара мягко накрыла своей ладонью руку Егора, в то время как он закрасил последнюю букву. Ладонь у нее теплая и спокойная, но ему легче не стало. Не волновался и не переживал лишь декан, которому отказ Егора был только на руку. Да и Егор против-то не был, он с горем пополам за восемь лет привык к своей занудной должности, которая отнимала столько настоящего времени от преподавания и общения со студентами.

– Все хорошо, – пробормотал он, выскальзывая из ее пожатия.

– Ты слишком близко принимаешь к сердцу выборы, – успокаивала его Лара, пока они направлялись в университетскую столовую. – Оно того не стоит. Рано или поздно быть тебе деканом.

– Почему это? – оскорбился Егор, открывая входную дверь столовой и пропуская Лару вперед.

– Ты лучше всех знаешь, что необходимо факультету. Ты больше всех любишь универ, в то время как все его ненавидят.

Егор хмыкнул:

– Так люблю, что приглашаю обедать тебя в нашу столовку? Да?

Лара улыбнулась и пожала плечами. Какая разница, где ей с ним обедать? У них и так осталось немного времени до занятий.

Они заняли столик подальше от студенческих взглядов, в затемненном углу рядом с большим аквариумом, где плавала одинокая рыбка. Егор постучал пальцем по стеклу, не понимая для чего в столовой держать аквариум и для чего рыбке ежедневно видеть, как вечно голодные студенты поедают ее друзей. А сегодня как назло четверг – рыбный день. И Лара выбрала рыбное филе.

– Может, отвернуть ее?

– Кого?

– Рыбу.

– Егор Андреевич, позвольте полюбопытствовать, сколько вам лет?

– Много, Лариса Николаевна, уже до чертиков много.

Егор тяжело вздохнул, подпирая подбородок рукой. Лара силилась не рассмеяться, но все равно с упреком поглядела на него.

– Лара, – сдался он.

– То-то же. За это и люблю тебя.

– Только так определенно лучше! – И он прикрыл рыбке вид на стол графином с потом.

Когда они уже досиживали последние минуты перерыва, рассуждая о литературных процессах современной прозы и наблюдая за студентами, рвущимися к полуопустевшим прилавкам с едой, Егор заметил светлую бейсболку в очереди. Несколько минут она маячила в числе первых к кассе, затем затерялась. Егор попытался проследить за передвижениями и нечаянно наткнулся на до боли знакомое лицо. Дима Кузьмин. «Господи боже, только не это!» – вырвалось у Егора.

– Что случилось? – спросила Лара.

– Кажется, кое-кто снова прогуливает пары, – практически солгал Егор. Про Диму Кузьмина он не имел права говорить даже Ларе, ведь их объединяла великая мужская тайна, а Лара – женщина, у нее в крови болтать. Егор не мог рисковать безответной влюбленностью студента.

Обладатель бейсболки рассчитался в кассе за пол-литровую бутылку воды и тут же осушил ее одним залпом. Вот же засранец! Он пропустил занятия по единственному поводу – не ночевал дома и заявился в университет только сейчас. Скорее всего, сильно спешил, бежал, отчего пересохло в горле. Их взгляды пересеклись... Егор кивком головы указал на свободное место рядом с ним. Парень закатил глаза и поджал губы, однако ему не оставалось ничего делать, как проташиться через всю столовую и с измученным видом упасть на свободный стул.

– Я ему ничего не говорила, – подняла вверх руки Лара, глядя на парня. – Мои руки чисты!

– Почему ты не ночевал дома? – спросил Егор.

– Я был у друга, – ответил тот, снимая бейсболку и приглаживая ладонью примятые темные волосы. – Я же позвонил ей, сказал, чтобы не волновалась.

– Да, но она все равно волнуется. Захар? Так нельзя делать! Нельзя уходить из дома...

– Блин, Егор, ты же знаешь... – Захар осекся на полуслове и стрельнул взглядом на Ларису Николаевну, чью пару сегодня бессовестно прогулял, – Егор Андреевич, вы же знаете! Я по-другому не мог поступить, она бы всю ночь отчитывала меня.

– Ты должен был сообщить мне! Это раз! Ты обязан был приехать ко мне! Это два!..

– У меня начинаются занятия, это три! – Захар подскочил на ноги и спешно подцепил рюкзак, перекинул его через плечо и уже намеревался бесследно испариться, как Егор одним только взглядом вернул его обратно. – Ну, – с неохотой протянул он, – что еще?

– После занятий жди меня в машине! – Егор кинул ключи, Захар их ловко поймал.

Егор проследил за удаляющейся фигурой Захара, пока тот не скрылся из виду.

– Не хочу вмешиваться, но мне кажется, ты позволяешь ему манипулировать собой, – подвела итог Лара. – Он прогуливает не только мои занятия, другие преподаватели из-за уважения к тебе молчат и не поднимают вокруг Захара шумиху. Должна заметить, он превосходно владеет материалом... без занятий, вернее, без какой-либо вообще помощи, но какой он подает пример остальным студентам? Егор?

Лара ждала ответа, а Егор неотрывно смотрел вслед Захару. Для всех присутствующих, да и для Лары тоже, он уже исчез, растворился в студенческой толпе, смешался с заряженным запахом юношеских амбиций, и лишь Егор отчетливо слышал его каждый шаг – мягкий перенос тела, потому что Захар, не замечая за собой, всегда ступает вперед левой ногой, слегка шаркая правой; там, в толпе, он опять натянул бейсболку, скрывая красивые волосы, будто стесняясь, спрятал руки в карманы толстовки и стал невидимкой.

Егор последним уходил с кафедры – он любил работать в тишине. Его рабочий стол до сих пор стоял перед большим окном, а свет так и падал, словно в наказание за отказ нести его, на спину, из-за чего спинка кресла всегда нагревалась к вечеру. Сейчас он малу-помалу ощущал себя маленьким хозяином кабинета – в расслабленном воздухе витало блаженство: сам кабинет отдыхал от наплыва лиц, вопросов и ответов, смеха за дверью и жужжащего гула. Не задумываясь о том, что дверь могут внезапно распахнуть, Егор откинулся на теплое, уютное, устойчивое кресло и прикрыл глаза. Никто не войдет и не потревожит. Это редкое время, время поздних занятий, где, словно клич хищной птицы в темном лесу, раздается одинокий скрип лекционной аудитории в конце коридора второго этажа филологического корпуса ЩГУ. И за долгое время тишины наконец-то разлились голоса... Лара отчитала лекцию и отпустила ребят. Егор держал глаза закрытыми и будто под веками разглядывал старое кино, как шумные шаги удаляются по этажу вниз, голоса смазываются и теперь слышно лишь радостное бульканье, а к кафедре твердой походкой направляется Лара. Егор сосчитал до пяти и... дверь открылась.

– Я знала, что ты здесь!

Он до сих пор не мог поверить, что она, вопреки прошедшим событиям, дарит ему свою улыбку. Обещай не засиживаться, сказала она ему напоследок. И он пообещал. Когда стук ее каблучков стих, Егор ровно сложил листы рабочей программы, выключил компьютер, погасил свет. Он не торопился – ему не хотелось, чтобы Лара стала свидетельницей его с Захаром разговора. Ему и без нее будет трудно подобрать нужные слова, уговорить Захара вернуться домой или хотя бы переночевать у него, а не у какого-то непонятного друга, с которым Егор не знаком.

Осенние сумерки сгущались быстро, опускаясь на Щегловск. По самые легкие Егор вдохнул вечер, наполненный медом, и по телу разлилась ломота усталости, приятная и мучительная. Несмотря на утомление, он готов был жить и проживать этот вечер с его зажженными фонарями и мерцающими светофорами, он ни за что не отказался бы от любой минуты своей жизни. Точно в первый раз прошел по любимому тротуару, свернул в свой закоулок, где, прислонившись к передней двери машины, его ждал Захар. Подумать только, он не желает сейчас возвращаться домой, но вместо этого стойко, как оловянный солдатик, выжидает Егора, пока тот соберется с мыслями и силами, дабы начать промывать ему мозги и читать мораль. Молча он прислонился к машине, по левую сторону от Захара.

– Как она узнала? – только и спросил Егор.

– Случайно вышло. В комнате играла музыка, я был без футболки, ничего не слышал, а она в этот момент стояла позади и все видела.

Он отвернул лицо. Сквозь слои вечерних теней Егор искал ответ в его повернутом боком лице – в изгибе бровей, в остром подбородке, упрямом лбе. За этим кроится что-то еще, он точно знает, но предполагаемый ответ пугает его. Он боится потерять Захара.

– Егор, я тут подумал, – теперь Захар глядел на общаги, – я решил, что перееду в общагу на время учебы.

Он проследовал за взглядом Захара, и его охватила паника. Нет, ничего плохого против общежития он не имеет, даже наоборот, испытание в виде отдельного проживания от родителей делает молодого человека сильнее – крепчает дух и, как говорят, кажется, так и должна закаляться сталь? Но только не Захар. Он снова поймал себя на мысли, что боится потерять его. Боится упустить его из своих рук и выпустить на свободу, которая выглядит в данном случае странным образом – пятиэтажное серое в синюю полоску здание постсоветского времени, где по большому счету в окнах отсутствуют занавески, а из кипящей кастрюльки на общей кухне воруют сосиски. Разумеется, рано или поздно он сбежит, но не сейчас, только не сейчас. Егор не готов отпустить.

– Я хочу самостоятельности.

– Но для этого необязательно куда-то переезжать! Подумай о ней! Она ведь останется совсем одна!

Егор пустил в ход запрещенный прием – прикрывать собственную слабость, образно перекладывая чувство тревоги за Захара на другого человека. Он и раньше этим злоупотреблял, да что скрывать, он этим постоянно занимается. Ему думалось, что тем самым Захар не заметит пробивающихся ростков старческой тревожности и не станет упрекать его в чрезмерной опеке. Хотя он ошибался. Захар внимательно посмотрел на него и вынул из кармана пачку сигарет. При виде своего искушения у Егора руки задрожали, а низ спины сладко закололо. Без всякого стеснения пальцы потянулись к отраве. «Бросил, бросил, бросил!» – повторил он про себя, однако дым выходил из него вместе с благодарностью.

– Тебя всегда выдают руки, – с иронией заметил Захар. – Когда нервничаешь, шаришь руками по карманам. Я все про тебя знаю. И моего переезда боишься ты, а не мама. Когда перестанешь быть моей нянькой? – и ласково поддел Егора плечом.

– Честно?

– Уж будь любезен!

– Никогда.

Они оба потоптались на месте, без единого слова выкурив по сигарете.

Егор решился:

– Поехали домой.

Захар прочитал что-то такое в его глазах, отчего снова сдался.

Какое сильнейшее возбуждение от вынужденного согласия вернуться домой он испытал. В очередной раз выиграл шахматную партию, хоть и играл не по правилам: загнал в угол противника, обложил фигурами и ждал, пока противник устанет сопротивляться. Он вырвал у него еще пару лет – они договорились подождать до конца учебы, и тогда Захар может сам решать, как поступить ему в дальнейшем. Какое самонадеянное решение для профессора филологии! В делах, касающихся Захара, его покидал ученый ум и уступал место простому смертному мужчине, которого одолевают любовь, тоска и тревога за близкого.

Они проехали вниз по проспекту, выезжая на широкую полосу. Егор был внимательным и осторожным водителем, но сейчас он давал себе волю краем глаза поглядеть на болтающего Захара. Тот по-детски прижимал к животу рюкзак, а на коленях топорщились разломаченные прорези джинсов. Ну и мода, ругался Егор, втайне даже для себя самого мечтая поносить точно такие же джинсы хоть денек, – снять профессорские путы и пуститься во все тяжкие, послать к черту обещание бросить курить, надеть какую-нибудь потрепанную футболку и перестать употреблять перед студентами бессмысленную во всех смыслах фразу «вот в мое время...». Захар смеялся, рассказывая о событии, которое подтолкнуло его бежать из дома. Тремя татуировками назад он обещал маме завязать с этим делом. Егор знал, что на этом он не остановился, но хранил молчание, потому что: «Егор, пора бросить курить. У тебя уже не тот возраст для хулиганства». Он тоже обещал маме.

3

Ворвавшись во взрослую жизнь, она первым усвоила простое, но самое животное, правило – чужое грязное белье вызывает острейший интерес. Такие люди, подобны коллекционерам, готовым платить сотни, тысячи, миллионы ради редкого объекта, который не дает покоя сну, еде, любви и даже телесной близости. Как термит точит ствол многовекового дуба, так и жажда любопытства разъедает их изнутри. Сперва они подыскивают удобный случай подобраться к объекту – заводят нелепый разговор о погоде или пытаются произвести впечатление красным словцом; далее основательно изучают объект, находят скол, трещину, болезненное место, и вот тогда жадно облизывая острые клыки, вонзаются в беззащитную плоть. Сложно поверить, но под натиском одного назойливого термита, начавшего свой гадкий путь у основания ствола в маленькой трещинке, рушится столетнее дерево.

Со временем Милена научилась жить среди термитов и коллекционеров. Она научилась многим приемам скрыть настоящую трещину и выставить напоказ искусственную, улыбаясь тому, как долго они могут мусолить подкинутую, словно бешеным псам голую кость, выдумку.

Так случилось однажды.

Приморье был морским курортным городом не для острого на ощущения отдыха. Это место любили за его одновременно вычурную деловитость и простоту. Здесь туристы любили рано вставать, выходить на прогулку, созерцать прибрежный вид, впитывать солнечный свет и морскую влажность, а ближе к вечеру они искали маленькие уютные ресторанчики и плотно ужинали, дожидаясь заката, который поражал любого. Закат и вправду был великолепен. Возможно, что ради одного такого заката только и стоило посетить Приморье.

Своих бывших одноклассниц Милена не ожидала встретить на улицах этого городка. Они столкнулись случайно, лоб в лоб, отчего одна из девушек выронила из рук сумочку. Девушки предложили провести вечер в одной необычайно атмосферной кофейне, из-за которой сегодня

утром они встали спозаранку и наматывают километры в надежде сбросить лишний килограмм.

– Нас заверили, что это лучшая кондитерская города! – сказала одна. Милена подтвердила. – Там готовят просто восхитительные сладости!

И это тоже знала Милена, ведь эти самые восхитительные сладости готовила она.

Она крайне неприятно удивилась: насколько изменились одноклассницы, с которыми она каталась после школы на найденных на магазинной мусорке картонках. Найти картонную коробку в то время было равнозначно найти сундук с сокровищами, потому что с девочками каждый вечер дежурили у магазина, понарошку бегая друг за дружкой, будто играя в догонялки. Но на самом деле они выжидали главный момент, когда выбросят коробки, чтобы потом тайком, под покровом вечера стащить их и уже утром кататься с ледяной горки. Девушек, представших перед Миленой, теперь с трудом можно было узнать, словно не с ними она сосала сосульки с крыши, не с ними мерила лужи, не с ними спасла соседского кота от страшной болезни. У него обнаружилось жуткое заболевание – Милена слушала кошачье сердцебиение через трубочку и, как опытный врач, качала головой, пока подружки удерживали упирающегося всеми лапами больного. Его пришлось оставить в больнице, сооруженной из веток и тряпок, и назначить покой, однако пациент сбежал, пока врачи отвлеклись на обед.

Бывшие подружки спросили ее о Роме – ее муже, с которым она и сбежала из родного Михайловска в Приморье.

– Мой муж? – повторила она за ними.

– Да-да, мы хотим знать все-все подробности вашей супружеской жизни!

– У меня больше нет мужа.

Девушки переглянулись, и на их лицах отразилось фальшивое расстройство; принялись охать да вздыхать, как им жаль, как они сожалеют. Милена и глазом не успела моргнуть, как превратилась в безутешную вдову и, слушая женское щебетание, подлила масла в огонь, изобразив все предсмертные муки бывшего супруга. Хоть Рома та еще сволочь, не заслуживающая смерти, но она получила нескончаемое удовольствие.

Эта вымышленная история ей пришлась по душе, ей понравилось фантазировать на тему того, чего не было. Даже показалось забавным и во второй раз, когда кто-то поинтересовался ее детством и юностью. Что скажешь, тому и верят, главное после оставляют в покое. Забавно было до тех пор, пока в кофейню не приняли на работу Ульяну. Сама Ульяна у нее никогда ничего не спрашивала, а лишь стала свидетельницей разговора, в котором Милена по привычке выдавала похожую историю.

– Ну и выдумщица! – рассмеялась Ульяна. – Тебе бы книжки писать!

С этого дня они сдружились. Ульяна поведала ей историю своей жизни, а Милена держала свою в тайне, ведь в Приморье она надеялась построить новую. Но на вопрос местная она или нет, ответила, что родилась в Сибири, Михайловске.

– А когда родилась?

– 23 августа 1987, – ничего не подозревая, ответила она.

Ульяна на мгновение задумалась, пронзительно посмотрела на нее и тихо повторила дату ее рождения.

– Что-то не так?

– Я кое-что вспомнила.

И Ульяна рассказала свое воспоминание, от которого у Милены заledenели кровь и душа. Она вернулась домой и проплакала всю ночь.

Мать как вкопанная застыла перед ней, с распахнутыми от ужаса глазами она то открывала рот в немом молчании, то закрывала, в точности как маленький переливающийся на солнце карпик из речки, которого Милена выловила с отцом, когда ходила с ним на рыбалку.

Сейчас, так и быть, ей попадет от матери, что без спросу стащила старый фотоальбом, что разорвала задник, что вытряхнула спрятанные фотографии. Милена съежилась, зажмурила глаза и приготовилась к удару. Нет, мать никогда не была, но вклеить подзатыльник или затрещину могла. Она долго ждала, боясь разлепить ресницы, только вот ничего не происходило – тогда она, набравшись храбрости, открыла глаза и увидела сидящую на коленях и беззвучно рыдающую мать. Все ее тело содрогалось, а в глазах, самое удивительное, ни слезинки, один лишь приоткрытый и хватающий воздух рот и дрожащий подбородок.

Через много лет спустя она много размышляла, насколько бы иначе сложилась ее жизнь, не прояви она настырного любопытства. Если бы в тот злосчастный вечер не поставила табурет к шкафу, кое-как вскарабкалась на него, держась одной рукой за небольшую крючковатую ручку, не вытащила альбом, который мать держала подальше от нее и позволяла рассматривать исключительно в ее присутствии. Если бы она была довольна своим именем и не приставала как липучка ко всем взрослыми с бестолковыми вопросами. Если бы она только в раннем детстве научилась держать рот на замке и быть благодарной каждому дню, а не искать ответ на «почему?». Почему же ее не любят в семье? Почему мать никогда не приласкает, не прижмет к себе, как это делали другие родители со своими детьми – ведь она видела, видела, все видела!

Тем вечером Милена узнала правду, и не об одном имени. Единственной правдой оказался дед Алексей, которому была не нужна ни ее правда, ни еще чья-нибудь, потому что он был так стар, что мало интересовался жизнью молодых, впрочем, как и своей собственной.

В один миг, краткий как полет звезды, ее мать обернулась родной бабушкой Зоей, женой деда Алексея; ее молодой и красивый отец превратился в соседского мальчишку Андрейку, который просто по доброте душевной помогал их семье: колол дрова, ходил за водой, прочищал зимой тропинки к дому и возился с Миленой, будучи робким и застенчивым юношей, которому с тихой Миленой нравилось проводить свободное время. А сама Милена оказалась сиротой, без мамки и папки.

Вечер растянулся на мучительные минуты, которые как колкие шипы минувших воспоминаний, будут напоминать о себе всегда. Оглядываясь назад в прошлое, единственным, что она может сказать о себе, наверное, станет: «Меня зовут Милена Казанцева. Я родилась 23 августа 1987 года».

Бабушка Зоя запомнила себя семнадцатилетней девушкой, веселой и улыбчивой. Это был первый год, когда она научилась улыбаться не только губами и глазами, но и сердцем. Ее сердце пело.

Из глухой деревеньки она с небольшим стареньким чемоданчиком, в котором одиноко лежало платье ни разу не надетое, ждущее особого праздничного случая, теплые вещички и сборник рассказов Чехова, набитый засушенной листвой вишни, смородины и яблони, отправилась «в город» – Михайловск. «В город» уже уехали многие молодые ребята; они возвращались в отчие дома другими людьми – в их жестах и во взгляде начинала предугадываться учтивая прохладность, присущая городским жителям, или же от них приходили настоящие письма с марками и городскими адресами, которые зачитывались Зоей перед всей деревней под всеобщее изумление.

Зоя тогда работала в школьной библиотеке: следила за порядком, протирала полки, расставляла книги, переставляла их с места на место, выдвигая сочинения Пушкина, «Войну и мир» Толстого, полные советского духа стихи Горького и Маяковского на передний план и бросая горький взгляд в узкую кладовую, где пылились коробки с произведениями сомнительных, не вызывающих доверия авторов, дожидавшихся поры, когда оттепель зашагает по улицам страны. Иногда за Зоей прибегал мальчуган, и вдвоем они неслись сломя голову, потому что к кому-то пришло письмо и его необходимо прочесть. Зоя вставала в самый центр зевая, брала письмо и читала громким, но срывающимся от стеснения голосом достижения

«уехавших в город». От каждого прочитанного городского словечка, написанного городским почерком, в голове зарождались мысли, которые пока еще страшно произнести вслух.

В 1954 году она решилась. И перебралась все-таки в Михайловск, совсем недалеко от знаменитого Новосибирска, в который все ездили смотреть на вокзал – на загадочную железную дорогу и черные от смолы и копоти поезда, гудящие так звонко-звонко, что с непривычки закладывало уши. В деревне остались мать и младшие братишки, уже учащиеся в младших классах и босиком пересекающие пыльные деревенские дороги.

За Алексея Казанцева, военного офицера старше ее на пятнадцать лет, бабушка Зоя вышла по большой любви. Его стройный, крепкий и высокий стан сразу же напомнил ей отца, еще не ушедшего на фронт. До того дня, когда отец вернулся с поникшей головой и посеревшим лицом из военкомата, она помнила его живым, сильным, с загорелыми руками. Он возвращался с колхозных работ поздно, под ночь, мать выливали воду из ведра ему на руки, и он смывал с себя мучительную усталость. Потом он, еле держась на ногах, но находивший в себе остаток сил, подхватывал на руки маленькую Зойку и подкидывал, подкидывал, подкидывал ее к низкому потолку. От него всегда пахло соленой пылью и свежескошенной травой. После его возвращения с войны она помнила, что папа только болел, а рождение второго сына он уже не застал.

Своего первенца – дочку – бабушка Зоя и дед Алексей назвали Светланой, от слова «свет». И взаправду девочка с каждым прожитым днем становилась все светлей и светлей. Маленькое тонкое личико со светлыми изогнутыми бровками, ресничками и пушистыми, цвета пшеничных колосьев, волосами. Девочка-Светочка, с такими пронзительными прозрачно-серыми глазами, что Зоя побаивалась долго глядеть в глаза родного ребенка. Было в них что-то пугающее, что-то заставляющее немедленно отвернуться в сторону или смущенно опускать взгляд вниз. Зое глаза дочери напоминали реку, в которую однажды заглянула, свесившись с бортика лодки; она долгое время неотрывно смотрела в водное зеркало, пока не очнулась от холодного дыхания воды – еще секунда и она бы нырнула, затянута пучиной. Едва Светочке исполнилось пять годиков, как родился Ванечка, мальчик улыбочивый с ямочками на щечках. Алексей безумно любил сынишку, он брал его на руки, еще совсем крошечного, и ставил «солдатиком», с гордостью приговаривая: «А, Зой, какой! Какой у нас сын! А! Солдатом будет!» А Зоя, заплетая косы дочери, смеялась, в душе пряча тайные материнские слезы, – лишь бы не было войны, лишь бы не был он солдатом...

О войне Зоя знала немного, только то, что слышала от ребят, потерявших отцов, братьев, сестер, друзей. О войне она много читала в книгах, в пропитанных скорбью и болью страницах. Все, что она узнала о ней, горячим шепотом поведали ей книги – она тихо оплакивала смерть отца, а строчки все бежали и бежали, не давая вздохнуть и стереть соленые капли отчаяния. О настоящей войне вернувшиеся с фронта мужчины и женщины молчали: их война была безмолвной и безликой, у нее не было голоса и не было памяти, однако она оставила им нечто иное, с чем практически невозможно жить. Они молчали о тех, кто был убит, о тех, кто был убит ими; клятву молчания не нарушали обрубки ног и рук, молчали пустые безжизненные глаза. И иногда слезы, сочившиеся из истерзанного сердца, кричали, вопили, стонали так неопишимо горько, стекая одной-единственной капелькой с уголка глаза, когда где-то на краю деревеньки звучал женский голос, исполняющий песню о любви. Вот тогда-то Зоя и догадалась, что книги – ох, уж эти книги! – лгуны, жалкие лгуны, скрывающие правду и шепчущие, прикрываясь ладошкой, тонкие намеки на нее.

Как и отец, муж Алексей тоже никогда не рассказывал ей о своей войне. «Ну воевал, и что с того?», «всякое бывало», «все закончилось, и нечего тут говорить». Несколько раз она пыталась выведать скромную историю, хотя бы иметь представление, где он был и что делал, и все безуспешно. Алексей молчал, отворачиваясь от нее к стенке и моментально засыпая. Она лежала тихо, прислушиваясь к его неровному дыханию, и размышляла, повезло ли ей,

что она ничего не ведаёт о его внутренних шрамах, или же, наоборот, это должно волновать? Может быть, Зоя так бы и продолжила в душе гадать, что должна чувствовать рядом с мужем, если бы однажды ночью, когда Ванечка расплакался, она не поднялась к самодельной колыбельной сына. Горячее и потное тельце ребенка говорило, что у мальчика зубки режутся, и он капризничал, со всей младенческой злостью кусая мать за пальцы. Она взяла сына на руки, принявшись бесшумно ходить по освещенной лунным светом комнатке, шепча ласковые слова, целуя сына, поглаживая его ручки и спинку; она шептала ему материнские заклинания, что любит его больше жизни, что никогда никому не отдаст, что мир бывает без войны, где есть одна любовь. Любовь, любовь, любовь! Она часто-часто повторяла это слово, которое никогда и ни при каких условиях не потеряет своего смысла, даже если его произносить много-много раз. Когда она остановилась, то услышала плач, тихий и беззащитный. То плакал в подушку Алексей, бормоча: «Зоя, Зоя, ох, Зоя!» И она впервые испытала чувство стыда перед мужем, что никогда не сможет разделить с ним его горе, не сможет смахнуть тяжелую пыль воспоминаний с его груди, не залечит глубокие раны. Расплакавшись, она упала рядом с ним и шептала слова, которые слышал один он.

За Ванечку Зоя беспокоилась больше всего, и к тому моменту пока беспокойство росло, произошло страшное...

– Нет ничего хуже на белом свете, чем хоронить своего ребенка, – произнесла бабушка Зоя, перебирая старые фотографии в руках. Маленькой Милене трудно было представить, что бесцветный голос ее бабушки когда-то, много-много лет назад, мог иметь мощь. Но труднее всего было заставить себя называть Зою бабушкой, а не мамой – как она привыкла – пусть пока только в мыслях. Ведь у матери... бабушки Зои оказалось есть дети, родные, а Милене... откуда же она?

Дочка Света случайно заболела и случайно умерла. Как блеснувший сквозь толщу серого неба солнечный луч.

Зима в тот год разбушевала не на шутку и злилась на Михайловск, засыпая его снегом и наказывая жгучими морозами. Будто проверяя, сколько еще могут выдержать люди, выжившие и уцелевшие после войны! Мороз скрипел ставнями и ветер со свистом гулял в пылающих печках и трубах, а бедная Светочка все металась и металась по влажным простыням и подушке. Ее пшеничные волосы растрепались, светлая кожа стала бледной, как молоко. Она без остановки, и не открывая глаз, вздрагивала, разлепляла жадный до воды ротик и облизывала сухие растрескавшиеся губы точно таким же сухим языком. Зоя все плакала и плакала, поглаживая дочь по горячему лбу, убирая с него слипшиеся прядки, а Алексей сидел у изголовья дочери, боясь поднять взор на супругу. Они прислушивались к каждому ее вздоху, тяжелому и хрипящему, девочка уже больше не кашляла и не надрывала грудь в судорогах. Они прислушивались к шагам на улице, к каждому скрипу их калитки, к каждому треску. Если бы они только знали, что женщина-врач, бегущая к ним на помощь, в этот момент молилась Богу, дать ей сил и помочь найти дорогу в завьюженных улицах поселочного района Михайловска, где пурга и темнота скрыли из виду небольшой домик, где тоже молились Богу родители и где умирала их маленькая, такая светлая, почти прозрачная, дочь.

Вдруг Света трепыхнулась как рыбка, вскрикнула и застыла с блаженным спокойствием на лице, будто наконец после горячечного бреда уснула мирным сном. Зоя долго держала в своих объятиях еще пока своего ребенка, не желая его отдавать, уткнувшись мокрым от слез лицом в ее пахнущие колосьями, жарким летом и солнечным светом волосы. А Ванечка играл на полу и изредка теребил мать за подол платья, требуя от нее внимания. Впервые Зоя забыла про постоянное беспокойство за сына – оказалось, что детей забирает не только война.

Алексей взял на руки мальчика и ушел с ним в соседнюю комнату, спрятав туда, куда не просачивалось холодное дыхание смерти...

Горечь никуда не исчезает, перед самой своей смертью скажет бабушка Зоя совсем уже взрослой Милене, которая будет сидеть на ее больной постели и разглядывать собственные руки с таким любопытством, будто видит их в первый раз. Ей безумно, безумно будет хотеться броситься к ней на шею, разрыдаться, обнажить слезы и свою боль, просить не умирать, просить подождать лишнюю минуту, но она этого не сделает. Лишь перестав разглядывать руки, она скрестит их плотнее у себя на груди. Закрылась, спряталась, не позволила себе стать слабее, чем положено. До нее будут доноситься обрывки воспоминаний из затуманенного болезнью рассудка бабушки Зои, редкие всхлипы. В этот раз она вспомнит больше обыкновенного и не станет скупиться в выражениях, перебирая в душе и проклиная тех, кого любила и ненавидела. «Горечь никуда не исчезает, – без запинки повторит она снова. – Когда умирает друг, любовник или муж со временем забывается многое; их черты лица, звук голоса и запах тела стремительно уносятся за ними в могилу, как бы ты не взывала к ним не торопиться. Когда умирает родное дитя – единственное желание опередить его дух и оказаться на том свете первой, дабы встретить его и заключить в вечные объятия!» Милене всегда хотелось задать ей вопрос: что бабушка чувствовала, когда умирали дети? Однако к минуте таинственной сокровенности между внучкой и бабушкой, к минуте откровенной исповеди умирающей Милена будет, словно скала, угрюмая и неприступная, об которую билась косматая пена бабушкиных воспоминаний, неся в себе крохотные обломки памяти ее жизни, – им останется только барахтаться в ледяной воде и разбиваться о камни на более мелкие крупницы.

Смерть дочери тяжким отпечатком легла на Алексея. На голове появились седые волосы, лицо худое осунулось, а его тонкий стан сгорбился, с каждым днем он все больше походил на пустой сосуд, наполняющийся радостью при виде прелестной улыбки сына. Впрочем, сын Ванечка держал и Зою на земле.

Теперь разница в пятнадцать лет между Зоей и Алексеем чувствовалась острее. Когда они втроем садились в автобус и ехали в городской центр Михайловска, чтобы прогуляться по его холодным улицам, никто не видел в них полноценной семьи. Как-то в автобусе одна милая женщина встала с сидения и вежливо предложила:

- Пусть ваш папа присядет!
- Кто? – изумилась Зоя, переглядываясь с Алексеем.
- Папа ваш.

Их с Алексеем все чаще воспринимали за отца и дочь, а Ванечку считали внуком Алексея. Зою это вовсе не расстраивало, пусть думают, что хотят. Она только и делала, что крепче к себе прижимала сына. А вот Алексей начал сдавать: отмалчивался и отсиживался дома или все работал. В такой немой договоренности пролетали их годы; иногда вспыхивала короткая искорка счастья, когда сын смеялся чистым и непорочным смехом, когда его глаза, живые и незатуманенные пеленой болезни, блестели и сверкали как звезды на небе, когда его лик затмил красотой все мальчишеские лица Михайловска. И в тот год, когда была сделана фотография, которую в руках вертела маленькая Милена, где Ваня на берегу реки держит ладонь козырьком и смотрит так проникновенно, таким взрослым и мужественным взглядом, в их дом ворвалось нежданное событие – родилась Женька.

«Женька» – зазвучало в голове Милены. И снова в бабушкином голосе слышны мелодичные нотки любви, несмотря на грубоватое, почти пацанячье произношение имени. Светочка, Ванечка, а тут Женька, и вопреки уличному зову, в нем было столько невысказанной нежности и ласки. Господи, кто же она, заколотилось в груди у Милены, кто? Кто эта загадочная Женька, чью смерть схватила вспышка черно-белого фотоаппарата, чей конец жизни проводжали с оркестром и целой толпой людей, чьи большие и темные глаза взирали с необыкновенной красоты фотографии? Ей хотелось поскорее это узнать, ей хотелось, чтобы голос бабушки

Зои не останавливался, чтобы она говорила бесконечно и только о Женьке, потому что, будучи маленькой девчонкой, Милена чувствовала, Женька знает правду...

4

Егор вошел в кабинет деканата. В глаза сразу же бросились два стола, стоящие в центре кабинета, как два прыща на лбу, броско и громоздко. Он замешкался у входа, пока голос из угла кабинета не вывел его из ступора. Женский голос, противный такой.

– Берите бюллетень скорее! Вы последний остались!

Егор кивнул и прошел к первому столу. У него нет большого выбора – на листочке красуются две фамилии: Матвеев и Гордиевский, нынешний декан.

Две предыдущих ночи Егору не спалось. Тревожно было на душе. Первую ночь он безуспешно проворочался в постели и в самую рань примчался в университет. Долго мерил беспокойными шагами свой кабинет, иногда застывая посередине и смотря куда-то промеж стен. На занятиях он был рассеян, а между ними кое-как составлял новую методичку для студентов второго и третьего курса и проверял написанные студентами контрольные. Если честно, то ему в тот день хотелось выть с кафедры, от бессилья и какой-то прямо-таки детской беспомощности. На миг ему почудилось его детство, когда они с мамой жили на самой окраине Щегловска, в старом и замызганном районе; как рано утром она тащила его по грязной улице к родной бабке, которую он терпеть не мог всей своей детской душой. Пустым взглядом он уставился в монитор компьютера, пока в голове кружились воспоминания...

– Не пойду, не пойду, не пойду, – твердил он как заезженная пластинка, упираясь ногами в грязь и пачкая одни единственные башмаки. – Не пойду, не пойду, не пойду.

Он все твердил и твердил, тянул маму за руку и упирался молодым и борзым бычком. Егор до сих пор удивлялся, сколько терпения имела его мама, чтобы не взорваться и не раскричаться, однако в тот день терпение у нее действительно закончилось – она резко остановилась и тряхнула Егора, отчего он чуть не прикусил язык, повторяя «не пойду».

– Пойдешь и никуда не денешься, понял?

– Я ненавижу ее!

– Егор!

– Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Он так яростно выкрикивал слова, а из уст ребенка они казались зловещими, что мама испугалась – вдруг, кто услышит? Вдруг кто-то из прохожих обратит на них внимание, подойдет и начнет расспросы, а ей ведь совершенно нечего ответить; она привыкла прятать свою жизнь и учила тому же самому Егора, быть молчаливым, тихим, не высовываться и не проявлять интереса. А тут он разорался на всю округу – не остановить, что она закрутила головой и в испуге наотмашь внутренней стороной ладони ударила его по губам, хлестко и звучно. Егор, даже сегодня, прекрасно помнил свое ощущение, как затряслись губы, как они загорелись огнем от боли, как глаза зашипало от обиды. Он вырвал руку и побежал прочь от матери. Прочь, только прочь он мог бежать по ненавистному дворику, разбрызгивая лужи, растирая рукавом старенькой курточки слезы и чувствуя, как холодный ветер осени хлещет ему в лицо. Тогда он ненавидел осень, ее грязь, сырость и тоску, и подумать не мог, что когда-нибудь осень станет его лучшим другом. А пока он бежал и бежал без оглядки: домой возвращаться нельзя, и к бабке он не хочет. Разумеется, мама его догнала, схватила за воротник и развернула к себе, прижалась к нему своим пахучим телом, сладким, конфетным, как самая вкусная булочка, которую Егор только ел. Он вцепился в ее изношенное пальто пальцами, не отпускал от себя и украдкой гладил ее по волосам. Мама шептала его имя, Егорушка, и целовала его прямо в ухо, ей дозволено плакать, когда они вдвоем, когда их никто не видит. Жаль, что Егору плакать нельзя ни при каких условиях, – он мужчина, он не должен показывать себя глупым сопливым

мальчишкой, особенно при маме, иначе ей совсем тяжело будет. До красноты он растирал воспаленные глаза и сопел через нос, но слез не показал, молча шагая за мамой в дом бабки.

Егор оторвался от монитора компьютера и откинулся на спинку кресла. Потер пальцами переносицу и как в детстве потер кулаками глаза, опять это неуместное беспомощное состояние, когда от него ничего не зависит. Точно так же, как он покорно брел за мамой, также завтра в списке появится его фамилия, и ничего не поделаешь с этим.

После работы он не поехал сразу домой, немного покатался по городу, проезжая по любимым местам, и сам не заметил, как оказался у подъезда маминого дома. Его тянуло к ней, к Захару, но он ненавидел эту квартиру на втором этаже, с окнами, выходящими прямо на автомобильную стоянку, где он остановился. Мама его уверяла, что с той поры все давно изменилось, и пятиэтажку-хрущевку перекрасили в другой, более спокойный цвет, и палисадник разбили под балконами, да и саму квартиру сам Егор же собственноручно переделал. Он с ярким рвением обдирает клеенки со стен, рушил и громил все в ней, будто физически пытался искоренить дух предыдущих жильцов – родной бабки. Но полюбить свое творение не сумел, не простил прошлого и каждый раз переступал порог этой квартиры с комом тошноты в горле. Он еще с минуту посидел в машине, стучал пальцами по рулю и настраивал себя подняться.

Потревоженная его внезапным приходом мама распахнула перед ним дверь и застыла на пороге. Избегающий дома блудный сын вернулся.

– Егор! – радостно воскликнула она. – Пришел!

Он кивнул и прижался к ее лбу губами, к поседевшим волосам, но по-прежнему мягким. Она все больше носит прибранный волос в какую-нибудь затейливую завитушку, не как раньше – волнистые, спадающие до плеч круглыми и ровными локонами. Говорит, больше нечем гордиться.

– Сейчас ужин согрею. – И она убежала на кухню, загремела посудой, замурлыкала себе что-то под нос. Есть Егору, как и спать, ничуть не хотелось, но он заставит себя поесть ради нее.

Он у себя, кричит она ему с кухни, как всегда в наушниках и со своей аппаратурой.

Захар сидит спиной к двери, в той самой комнате, в которой был заточен родной бабкой Егор, и, входя в нее, его мутит от воспоминаний. Взъерошенные волосы, просящие кого-нибудь пригладить их, ссутуленные плечи двадцатилетнего паренька вызывают у Егора улыбку, и он крадется тихо, чтобы взглянуть ему через плечо. Ну конечно, фотоаппарат. Кадры быстро мелькают на небольшом экране, но он не успевает уловить, что на них изображено, да к тому же чертовски устал, глаза слезятся. Десять лет назад он бы запросто погладил Захара по голове, запустил пальцы в его волосы и по-мужски потрепал бы их, ну может быть, десятилетний Захар разрешил бы ему поцеловать себя в макушку, только очень-очень быстро и почти не касаясь губами. «Как же я так смогу?» – смеялся Егор десять лет назад и назвал Захару крепко хватал его голову руками и смачно расцеловывал ему щеки, а тот визжал и брыкался.

Он осторожно положил руку на плечо Захара. Захар вздрогнул.

– Господи боже, Егор!

Захар окинул взглядом его с ног до головы:

– Ну и видок у тебя, братец!

– Какой?

– Трусливый.

Егор усмехнулся, кому бы говорить о трусости.

– Если тебя завтра выберут деканом, я документы точно заберу из универа.

Из кухни раздался мамин голос, она звала к столу.

– Пойдем? – кивнул Егор. – Посидишь со мной. Маме приятно будет.

Захар отложил фотоаппарат и наушники на стол и вызывающе посмотрел на Егора, что тому пришлось виновато отступить назад. Опять попался. Просто скажи, мне приятно будет, а не маме; я боюсь за тебя, а не мама.

– Не возмущайся, мал еще! – повысил он тон. – Вставай, ужин не будет долго ждать. И уже в коридоре, ведущим на кухню, он все-таки взъерошил ему волосы на затылке.

Уснуть так и не удалось. Егор все раздумывал над словами Захара, которому и впрямь взбредет в голову забрать документы. Год назад, когда Захар перешел на второй курс, он показал свой характер. Как обычно, Егор задерживался на восемнадцать минут, и третья группа тайно питала надежду, что он не придет, даже Захар отправил ему сообщение на телефон: «*Что случилось? Ты где?*». Егор впустил в аудиторию разочарованных студентов и попросил старосту составить пофамильный список присутствующих:

– К сожалению, в деканате еще не напечатали ваш список. Нет, нет, не бойтесь, – заулыбался он, – я просто хочу с вами со всеми познакомиться. Пропуски сегодня ставить не стану и отрабатывать никого не заставляю.

Из-за второй парты поднялась девушка со вздернутым, очень симпатичным носиком и в красивом платье. Егор быстрым взглядом преподавателя оценил ее. Она поднесла ему листок с уже готовым списком фамилий, вероятнее всего, на других занятиях преподаватели тоже просили это сделать. Он протянул к ней руку и в упор поглядел на нее. Ага, засмушалась, потупила взгляд и прикусила слегка нижнюю губу, развернувшись на каблучках, вернулась на свое место. Егор повертел в руках список и чуть приблизил лист к лицу, дабы лучше разглядеть записанные различными каракулями фамилии, имена и отчества ребят. Девчонки писали аккуратно, буква к букве, парни же, напротив, будто стараясь его одурачить, коряво.

– Грачева Мария Николаевна, – зачитал он.

– Я, – робко пролепетала та очаровательная девушка со второй парты. Староста, значит.

Дальше он зачитывал другие, еще неизвестные ему фамилии, и многие принадлежали хорошеньким девчонкам, на которых он тоже обратил внимание, однако Грачева Мария полностью завладела его вниманием. Интересно, после распределения на профильные группы после первого курса Захару уже кто-нибудь понравился из девчонок? Может быть, Мария Грачева? Почему бы и нет? Егор внимательнее рассматривал старосту – невысокого роста, ладненькая, с послушными темно-русыми волосами, заправленными с одной, правой, стороны за ухо, кажется, глаза цвета корицы и губы как спелая черешня. Чисто литературный вкус, усмехнулся про себя он. Ну мы ведь, собственно, на занятиях по литературе, не так ли? Взгляд побежал по списку вниз... Матвеев З. А. – он просто написал фамилию и инициалы имени и отчества в конце списка, сидя на самой последней парте, потирая между паузой приветствия свою первую татуировку под рукавом рубашки. Егор заметил за ним это движение еще несколько дней назад, Захаровские пальцы было не унять, то и дело, они касались цветного участка кожи на левой руке, то ли проверяя, действительно ли, она там появилась, то ли прикосновение к инородности на теле были иными по ощущению. Забывшись, Егор зачитал преподавательским тоном:

– Матвеев Захар Андреевич.

Сначала Егор увидел, как прелестная головка Марии Грачевой удивленно медленно, будто на маленьких шарнирах, откатилась назад, а за ней и все остальные головы студентов. Вторым он увидел Захара, потерявшего интерес к своей левой руке. Третьим – его злой, колючий взгляд, от которого Егору захотелось упасть под стол, потом пролететь два нижних этажа и скрыться под землей.

– Почему ты не назвал просто одну фамилию, Егор? – раздражался Захар в машине, когда они возвращались домой. – Елки-палки, теперь все знают, кто я.

– А кто ты?

– Родственник заведующего кафедрой.

«Р-р-родственник» – именно так произнес он, будто я какой-то родственник из дальней деревни, возмутился Егор.

– Все остальные преподаватели просто называют фамилию и все. Без отчества. Подумаешь, фамилия одинаковая, может, мы однофамильцы, так легче было отговориться. А теперь все знают.

– Лично я горжусь тобой. В частности, что являюсь тебе р-р-р-родственником, ближайшим.

Смягчившись, Захар рассмеялся.

Но Егор не мог не гордиться Захаром, своим самым лучшим и любимым творением за всю жизнь, он им гордился больше, чем самим собой. Примерно через месяц после этого разговора Захар перебрался жить на целую неделю к нему домой, и Егор упивался этим лучшим временем, когда они вдвоем, когда утро и вечер принадлежат только им двоим. После ужина Егор работал в своей комнате: проверял дипломы, между ними читал рукописи, присланные на почту скромного издательства «Огни Щегловска», где Егор состоял как главный редактор. Читая чужие рукописи, Егор загорался сперва кратчайшей вспышкой, которая разгоралась, разгоралась и уже всю полыхала в его груди. На секунду он закрыл глаза и приложил руку к сердцу, успокаивая, но в пальцах уже начинало покалывать, это приятное трепещущее чувство предвкушения. Он схватил свой ноутбук, открыл секретный файл. Он уже так долго, невероятно долго пытается что-нибудь написать, и оно существует – в других секретных файлах, только его последняя неоконченная рукопись до сих пор так и остается неоконченной. Ее он переписывает бесконечное количество раз. Мысли путаются, голова трещит, пальцы ломит, еще чуть-чуть и вот мысли польются через край и заполнят чистые листы бессвязным потоком... Но тут вошел в комнату Захар, и Егор испуганно опустил крышку ноутбука вниз.

– Боже мой, когда это прекратится? – спросил Захар.

– Когда-нибудь.

– Я издам их посмертно, видимо.

Босыми ногами Захар прошлепал по голому полу и уселся рядом с Егором на кровать, раскладывая перед ним веером бумажные листы.

– Что это?

– Билеты.

– Какие?

– Не тупи, Егор Андреевич, ты сейчас принимаешь у меня экзамен. Я сдаю досрочно.

Ошарашенный новостью Егор намек понял.

– Я не видел твоего утвержденного заявления на досрочную сдачу.

– Не примешь, расскажу маме, что ты так и не бросил курить.

– А я, – Егор похлопал себя по правому плечу, – расскажу, что ты делаешь вторую татуировку.

Захар стянул футболку с правого плеча и растянулся в довольной улыбке:

– Крутая, правда?

Егор обвел указательным пальцем непонятный символ на плече Захара – звезда, не звезда, таких звездных изображений он еще никогда не видел.

– Что обозначает?

– Тебя.

Егор удивился и продолжил изучать пальцем рисунок.

– Как это?

– Просто ты для меня, как звезда, всегда впереди, всегда рядом. Но это ведь не продлится вечно...

– Захар, я всегда буду рядом с тобой.

Они оба замолчали. Неловкий момент. И Захар давно вышел из возраста, когда Егор его обнимал, и Егор вошел в тот возраст, когда обнимать молодых парней, пусть этот нахальный парень твой брат, уже неприлично.

– Тяни билет.

– Билет десятый.

Захар затараторил, отбивая языком четкий ритм. К чему удивляться, ведь Егор сам лично вложил в голову Захара все эти знания. Сказки, мифы, легенды, эпос – он читал их Захару перед сном, лежа с ним в одной кровати. Егор, с длинным телом, поджав колени к себе, чтобы ноги не свисали с кровати, и маленький, худенький Захар, прижавшийся к нему так плотно-плотно, обвив одной ручкой его шею. Он всегда теребил пальцами рукав домашней футболки Егора, водил гладкую складку ткани из стороны в сторону, пока не уснет. И в таком положении они лежали очень долго, Захар посапывал прямо ему в ухо, а Егор изнемогал от жары, исходящей от горячего, лежащего на нем тельца ребенка. Егор мог долго терпеть, потому как в этом комочке заключалось его главное счастье. После домашней досрочной сдачи экзамена, Захар перестал появляться на занятиях Егора. Поэтому слова, что он заберет документы из университета, если Егора изберут деканом, сильно взбудоражили.

Он поднялся с постели и прошел в соседнюю спальню, где спал Захар. В темноте подобрал со стула его рюкзак и нашарил в нем пачку сигарет. Курить вредно, сказал он вслух. В ответ тот только чуть слышно зашуршал одеялом, переворачиваясь на спину.

А утром перед отъездом мама заговорщически подозвала к себе Егора, завела на кухню и зашептала:

– Мне кажется, Захар начал курить.

– С чего ты так решила?

– Ночью он курил, я чувствовала дым. Ты бы с ним поговорил по-мужски. Он тебя слушает, точно говорю. Ты бы своим примером показал, что если начал, то легко можно бросить. Главное, захотеть.

Ставя себя в идиотское положение, Егор промычал в ответ кое-какое объяснение, что ей всего лишь кажется.

В машине вместо этого он вдруг сказал Захару, что Маша Грачева написала предварительное заявление, что будет писать диплом под его научным руководством.

– Здорово, – невнятно ответил Захар, поглядывая на дорогу.

– Как тебе?

– Тема диплома?

– Нет. Маша.

– Маша как Маша.

– Ну, вы же наверняка общаетесь.

– Ага.

– Близко?

– Тесно, Егор. Я не буду помогать тебе проверять Машкин диплом.

– Ну, ты бы мог помочь ей его написать, к примеру.

Наконец Захар отвлекся от дороги. Поджатые губы говорили Егору, что этот бесполезный диалог пора заканчивать.

– Лучше проиграй на этих дурацких выборах, договорились?

Егор прикрыл ладонью свой листок для голосования и напротив фамилии «Гордиевский» поставил галочку. Безусловно, сам Гордиевский проголосовал за себя, но Егору это казалось не столько глупым, сколько смешным. Женщина с противным голосом вновь поторопила Егора, бросая на него гневные взгляды. Под ее надзором он свернул лист и протолкнул его сквозь узкую щель самодельной урны для голосования, сделанной из коробки с приклеенной надписью «ВЫБОРЫ ДЕКАНА ЩГУ 2016». Если он победит, ему придется столкнуться с двумя крупнейшими неприятностями. Во-первых, новая должность, исключая большая часть времени преподавания. Это плохо, не за этим он служит университету. Во-вторых, он будет вынужден покинуть свой кабинет, к которому с трудом, но привык, и поселиться в каби-

нете декана и делить его с противной женщиной, секретарем, которая зыркала на него глазами и готова была кинуться, потому как у него одного лист застрял в узкой щели коробки. А это не просто плохо, это ужасно.

– Хоспади! – прошипела она, закатывая глаза к потолку.

Егор потряс коробку, и с шорохом лист опустился на дно.

За дверью в коридоре его ждала Лара, в сегодняшний день немного несобранная и с пустующим выражением на лице.

– Ну все, – пожал он плечами. – Готово.

Как раз в это время из соседней аудитории, как из пучины морской, выплыл Гордиевский с улыбкой во весь рот и зазывающий их в деканат.

– У меня лекция, – отчеканил Егор.

– Какая лекция, Егор Андреевич? С ума сошел? Голоса подсчитать две минуты. Сейчас быстренько соберемся в деканате и отметим это дело. Отменяй ее к чертям, пусть домой идут.

– Нет.

И он, вырвавшись из цепких пальцев декана, твердо зашагал по коридору, оставляя всех позади. Миновал коридор, соединяющий филфак и матфак, и вышел в просторный светлый блок лекционных аудиторий, где кучками толпились студенты. Егор даже не разбирал, с кем здороваются, машинально кивая головой в ответ. Лишь один-единственный взгляд с тлеющим в нем вопросом привлек его рассеянное внимание. «Ну?» – безмолвно спросил его Захар. Егор едва заметно помотал головой.

Он попытался читать лекционный материал в обычной манере, весело и интересно, как любил, но постоянно отвлекался, блуждал по лицам студентов, улетал мыслями в деканат к дурашливой урне, которой уже наверняка приставили канцелярский нож к горлу и вытрясли ответ. Лучшим решением было дать лекцию под запись, что он и сделал, диктуя медленно, чуть ли не по слогам, порой повторяя одно и то же слово дважды.

Что победил Гордиевский, Егор догадался по его восторженным воплям, доносящимся из-под двери деканата. Боже, у Егора от радости плечи опустились, и низ живота наполнился чем-то тягучим; он взялся за дверную ручку, но дверь распахнулась сама, и вот он уже втянут в водоворот праздника. Гордиевский плотно прилипал к телу Егора, обнимал его жирной рукой то за плечи, то за шею, разбрасывая слова благодарности налево и направо. Иногда он отлипал от него, чтобы наполнить бокал или переговорить с кем-нибудь, но через минуту – две снова оказывался рядом с Егором. Эта тесная близость фамильярности доводила Егора чуть ли не до приступа бешенства, и, несмотря на то что он избегал прикосновений, заводя руку за спину, декана это не останавливало. Где-то вдали кабинета, в плохом вечернем освещении мелькало бледное лицо Лары, как бестелесный призрак, мечущийся между людьми. Егор проиграл Гордиевскому два голоса.

После десяти часов вечера дороги были практически пусты. Егор вел автомобиль небыстро, проезжая по октябрьским проспектам, еще сохранившим зеленый цвет листвы. Он обратил внимание, что все повстречавшиеся им светофоры тоже моргали зеленым цветом, и они ни разу ни на секунду не остановились, из-за чего он не мог толком разглядеть Лару, сидящую на соседнем сидении и прячущую лицо в густоте вечера. Она была так тиха и молчалива, что у него защемило сердце.

– Спасибо, – тихо проговорил он.

Она не повернулась в его сторону, продолжая глядеть в темноту.

– Спасибо, – чуть громче повторил он с нажимом.

Наконец она отозвалась, все не поворачивая к нему лица:

– Зачем я только вечно тебя слушаю? Неужели тебе легче от того, что Гордиевский выиграл? Почему ты не проголосовал за себя, почему взял с меня обещание отдать свой голос ему?

Егор хотел возразить! Не легче, а справедливее. У Гордиевского природная жилка руководителя, он на этом месте как рыба в пруду, а что, он, Егор? Что он может дать факультету со своим взглядом на мир человека, застрявшего где-то посередине 19—20 веков? Смех, да и только!

– Ты пытаешься переучить Захара, однако ни в чем ему не уступаешь! – перебила его Лара. – Вы оба упрямые ослы, и закончится это все тем, что останетесь втроем: ты, он и ваша сраная гордость!

Под конец Лариного монолога и под затянувшееся молчание Егора автомобиль бесшумно остановился у Лариного подъезда, темного и страшного, с перегоревшей лампочкой, что Егор поехал. Жестяной хлопок автомобильной дверцы, тонкий силуэт в бьющих светом фарах и приглушенные звуки спешно удаляющихся шагов. Он проводил ее взглядом до подъездной двери, пока она за ней не исчезла. Зря Лара обиделась, совершенно напрасно.

Всю дорогу он пытался убедить себя, что поступил верно и что на самом деле он рад. Правда. Он никогда не разглядывал свою жизнь под лупой карьеры! Никогда! Преподавание, научная деятельность, встречи на литературных мероприятиях, его работа в издательстве, собственные рукописи – это его глотки воздуха. И его строго выстроенная жизнь заметно отличалась от Лариной, ее заграничных стажировок и поисков лучшего места под литературным солнцем. Кроме того, Егор был не совсем честен с ней. Он не в силах был рассказать о своих настоящих намерениях, о своих давно данных и тянущихся тенью прошлого обещаниях. Если она захочет правды и потянет его за одну нить, то вытащит целый запутанный клубок, и ему придется нырнуть с головой в воспоминания, рассказать об отце и маме, рассказать об отчине, рассказать о Захаре. О Захаре... Стоило Егору подумать об этом, как пальцы плотнее сжали руль, а автомобиль рывком бросился вперед, набирая скорость.

Оставшись дома наедине с собой, он не знал, куда деть себя, чем занять, чтобы выбить из головы память о прошедших выборах, довольную ухмылку Гордиевского и обиду Лары. Не помогли ни проверка курсовых, ни чтение чужих рукописей, и хуже всего, что часы спешили к полуночи, а голова все больше заполнялась туманом. Егор закрыл файл и отложил ноутбук. Немного погодя он снова придвинул его ближе. В приступе уже знакомого помешательства он открыл другой – секретный – файл и пробежал глазами по последним напечатанным предложениям своего бесконечного романа. «Господи, это просто ужасно!» – разозлился он. Ужасно, ужасно! Все эти слова, жалкое подобие связанных между собой букв! Насмешка! «Нет, не годится», – и одним нажатием на кнопку ноутбука он удалил последний абзац. А потом еще, и еще пара абзацев исчезла бесследно. Это бездарный текст и ничего более. А что нужно делать с бездарным текстом? Правильно... Он без намека на жалость расправлялся с собственным текстом рукописи, кромсая главы на куски, от которых не оставалось и следа. Вместо них он быстро печатал новые, пальцы летали по клавиатуре, пока абсолютно чужой голос звучит в голове и умоляет не останавливаться.

Он закончил писать, когда за окном ночь начала уступать место рассвету, пропуская его тонкие и робкие лучи. Егор никогда не перечитывал то, что успел написать за ночь; то, что было подвластно его пальцам и сердцу, не должны были сразу же видеть глаза и разум. Ведь они категорически против того, чем он занимается. Вернее, пытается, с детских лет. Сперва в толстой тетрадке с листами в крупную клетку, что приходилось на глаз делить строку на две, появились мальчишеские наблюдения всего того, что он увидел или услышал за день; а потом Егор перестал быть похож на обыкновенного мальчика – храня воспоминания не в семейных альбомах, а в исписанных блокнотах. Они хранились тайно, в нижнем ящике массивного, сделанного из благородного дерева рабочего стола отчима в его кабинете. Отчим сам освободил по два нижних ящика для него, пока Егор обдумывал, какую самую драгоценную вещь вложить в эти не менее драгоценные ящики. С замиранием сердца и дрожащими руками он опустил

на дно одного из них свою первую тетрадь, задвинул и закрыл его на ключик. Этот день навсегда запомнился как день великой надежды... Только однажды, спустя много лет, обезумевший Егор кинется к своим уже таким бесполезным, ничтожным ящикам, и без ключа, силой одной руки, вырвет их из многолетнего спокойствия, раскидав содержимое по кабинету. Он схватит все тетради, блокноты и исчирканные листы, чтобы навсегда их уничтожить. Будет беспощадно рвать бумагу и сквозь слезы не замечать ничего вокруг. В тот день он поймет, что его рассказы и романы ничего не стоят, потому как жизнь – сплошная несправедливость от рождения до смерти, которую ему никогда не победить и не обмануть.

Романы последних лет уничтожить не представляло труда. Одним кликом удалить из памяти компьютера и забыто. Честно говоря, Егор уже и сам не помнил, как после того ужасного дня он заново начал писать. Наверное, все также, лист за листом, блокнот за блокнотом, роман за романом. Писать ровно такая же страсть, как курение: изматывающая, отнимающая часы жизни и здоровые мысли рассудка, но без которой даже самая короткая жизнь потеряет вкус, став пресной. Он сохранил файл с романом, опять незаконченным; он прочитает его завтра или послезавтра и попробует уговорить себя не расправиться с текстом моментально по прочтении.

Заложив руки за голову, он растянулся на кровати. До будильника всего пара часов, а сна снова ни в одном глазу, только в голове, переплетаясь друг с другом, еще свистят различные голоса тех, чью жизнь Егор не написал. Они пока бунтуют и требуют внимания, но потом, он оставил их на потом.

Внезапно, будто световая вспышка озарила темноту, Егор вспомнил об одном важном событии, которое из-за дурацких выборов выскочило из памяти. Черт, вот черт! Ругая и проклиная себя за рассеянность, он в домашней одежде выскочил за входную дверь на лестничную площадку и, преодолев ступеньки одним большим прыжком, оказался у почтовых ящичков. Ну конечно! Вот оно! Ждет и не дожидется, когда будет прочитано. Письмо. Егор мельком глянул на адрес отправителя, хотя и без того отлично знал от кого оно, но на всякий случай проверил. Краснодарский край, город Приморье, улица Северная (он понятия не имел, где находится эта улица). И имя отправителя «Засекина З. А.». Засекина Зинаида Александровна. Он покрутил белый с красивыми марками конверт и чуть надорвал край, но вовремя опомнился. Он дал обещание подождать с прочтением, пока сам не напишет ей ответное письмо. Взяв в руки телефон, Егор уже хотел быстро напечатать сообщение «Я получил твоё письмо!», но, может быть, он поспешил? В Приморье сейчас ночь, и она спит в своей уютной постели в доме, по адресу Северная. Впрочем, Егор точно не знал, так ли это или это его очередная книжная фантазия? Ведь это письмо и предыдущие письма настоящие, написанные рукой, однако имя Засекина Зинаида Александровна – вымышленное, выдуманное, даже больше – украденное!

История его переписки с таинственной отправительницей писем началась около года назад. И началась она со слова...

Редакция «Огней Щегловска» объявила литературный конкурс на лучший сборник рассказов об осени, любви и грусти, посвященный юбилейному выпуску ежемесячного журнала «Огни Щегловска». Егор как раз разговаривал по телефону, когда к нему в кабинет вошла секретарь. По ее озадаченному лицу он сразу понял, что пришла она к нему не с благой вестью.

– Вот, – она протянула ему пухлый распакованный конверт темно-коричневого цвета размером приблизительно тридцать на тридцать сантиметров.

– Что это?

– Вероятнее всего, сборник рассказов на конкурс.

Егор заглянул в конверт. Ровно сложенные листы, распечатанный текст.

– Аноним? – догадался он.

– Точно. Ни имени, ни фамилии. Только адрес электронной почты.

– Ладно, я с этим сам разберусь.

- Но мы ведь не рассматриваем анонимные рукописи...
- Верно, не рассматриваем. Я просто прочитаю их.

Если быть честным, то Егор и не собирался читать анонимный текст. В конкурсе участвовало большое количество людей, от школьников до старика с его соседнего подъезда, и времени на вычисление литературного гения абсолютно не имелось, равно как и сил, и желания у самого Егора. Он брякнул это просто потому, чтобы секретарь, девушка ответственная и сердобольная, не переживала по пустякам и занялась спокойно собственной работой. Он даже не помнил, то ли вытащил листы из конверта и куда-то сунул на рабочий стол, то ли бросил в общую стопку прямо в конверте. Разбираться времени не было. А после подготовка к изданию юбилейного выпуска журнала заглотила Егора с головой.

В следующем месяце после выпуска журнала в ЩГУ состоялась XXII Ноябрьская литературная конференция, на которую съехались студенты из разных городов России. Помимо того, что Егор был назначен вместо Гордиевского председателем комиссии, он еще должен был открыть конференцию докладом на тему влияния классической литературы на произведения современных авторов. Перед конференцией он на пять минут заскочил в редакцию, чтобы подписать кое-какие документы, и, ставя подпись, краем глаза заметил на самом углу стола незнакомый темно-коричневый конверт. Не отрываясь от документа, он попытался припомнить, откуда тот взялся, но память его подвела, не выдав ни единой зацепки.

Это же анонимные рассказы, воскликнул он, заглядывая в конверт! И обернувшись на секретаря, которой пообещал разобраться с проблемой, сунул конверт в сумку, решив дать ему второй шанс. Конференцию он благополучно открыл и занял свое председательское место, пока очередное слово брали его коллеги по факультету. В то время как один из преподавателей монотонно читал научный доклад, высасывая жизненные соки из всех присутствующих, Егор как заколдованный поглядывал на торчащий из сумки конверт. Станным и необъяснимым образом он притягивал его к себе, и он уже не мог спокойно усидеть на месте, потирая ладонью правой руки локоть левой. Я только гляну что там, подумал он, и вытащил конверт.

Подумать только! Жадно заглатывая страницы, Егор не мог оторваться от текста; он испытывал одновременно два чувства: восторг от получаемого удовольствия от чтения и жгучий стыд, что сборник по его собственной вине пролежал где-то между кипами бумаг и не был рассмотрен. Но мы же не рассматриваем анонимные рукописи, искал себе оправдания Егор. Однако оправдания не было – он пропустил невероятно талантливого автора. Весьма и весьма не профессионально с его стороны!

Этим же вечером он отправил короткое письмо на адрес электронной почты неизвестного автора, в котором принес извинения и попросил выслать полные данные для опубликования всего сборника в последующих журналах с заключением договора. Ответа не было два дня, и он с беспокойством все время обновлял свою электронку – нет ли входящего письма? И когда оно все-таки появилось, то был удивлен ответом. Неизвестный автор отказывался высылать данные и давал разрешение на публикацию под любым другим именем, даже пусть хоть сам Егор подписывается под сборником.

Вот это новость! – изумился он, но от анонима не отстал. Он хотел сделать все правильно и бесппроблемно для редакции журнала.

«Мне все равно! Публикуйте, как хотите!» – автор был непреклонен.

Что у каждого автора есть странности, особенности или причуды, или все вместе взятое, Егору известно с тех самых пор, как он сам научился читать книги. Но такого равнодушия к собственному творчеству он и в помине не видал! В последнее время в литературном мире устанавливает свои беспощадные законы новая мода – создавать шумиху вокруг имени автора пустого и бездушного текста, а тут такой поворот. Егора поведение автора насторожило, но и чертовски заворожило, была в нем не щепотка, а целый мешок дерзости и неповиновения.

Попытав еще раз счастье, договариваясь с ним впустую, он махнул рукой, громко выругался в тишину квартиры и закрыл электронную почту. Не хочет, значит, не надо.

Сборник был опубликован; под названием первого рассказа значилось, что сие произведение принадлежит перу неизвестного автора, а в сноске указано, что автор по собственной воле и желанию решил оставить свою личность в тайне. Егор, несмотря на внутренние сомнения, все-таки дал согласие на выпуск сборника, уж больно он ему понравился, особенно последний рассказ. Он даже дал почитать его Ларе, маме и Захару. Лара предположила, что автором может быть сентиментальный, очень чуткий и ранимый парень.

– Как Кузьмин, – задумчиво произнесла она и погладила большим и указательным пальцами подбородок.

– Какой еще Кузьмин? – не понял Егор.

– Дима Кузьмин, со второго курса из первой группы.

– А, этот... – «стихоплетчик» хотел добавить Егор, но прикусил язык. – Не думаю. Постой, по-твоему, он ранимый?

– Есть такое. Очень романтичная натура с мрачным взглядом на жизнь.

И очень-очень-очень дотошный, про себя заключил Егор, скорей бы он дописал свой стих и прочитал своей таинственной Джульетте.

Мама прочитала рассказ и ничего особенного в нем не нашла, но отметила женскую руку написания. Захар же, вдохновившись рассказом, ушел на целый день фотографировать и вернулся с кучей снимков. Они с Егором целую ночь выбирали один, который будет размещен в журнале над названием этого рассказа, а остальные снимки, не обращая внимания на возмущение Захара, Егор унес с собой и расставил по книжным полкам стеллажа библиотеки отчима, находящейся в том самом рабочем кабинете квартиры над липовой аллеей.

И уж во всяком случае он вовсе не ожидал какой-то ответной реакции от автора сборника. Однако она не заставила себя долго ждать, и на следующий же день после публикации первого рассказа, объявился автор, отправив электронное спасибо. Искренне удивившись, Егор ответил, что любое мнение он уважает, но ему досадно, что никто так и не узнает, кто же скрывается под маской неизвестности. И позже добавил, что уважает авторов-женщин. Это был своего рода маневр, стратегический ход конем: раз, два, три, четыре и фигура заняла свое место на поле битвы.

А с чего вы решили, что я женщина?

Хороший вопрос, но его не провести. Егор погрыз кончик карандаша, ехидно улыбнулся и провалился в детство, изображая из себя советского разведчика. И действительно, с чего бы это ему, главному редактору и доктору филологических наук, вести собственное расследование по разоблачению анонима? Он отложил изгрызенный карандаш, сходил на кухню – сварил кофе, достал из шкафа упаковку печенья – и вернулся с целым стратегическим планом к ноутбуку.

«Ладно, ваша взяла. Я ЖЕНЩИНА!»

Да! Он прав! Хлопнув в ладоши, он возликовал, радуясь, как ребенок, своей потрясающей сообразительности. Зачем ему это было нужно? А черт его знает! Он сам до конца так и не понял, что происходило в тот удивительный вечер в его квартире, его голове, и с какого перепугу просто нечеловеческое любопытство овладело его телом и разумом? Мистика или случайность, но он не унимался дальше с вопросами: а сколько, если не секрет, вам лет?

«От двадцати до тридцати».

Интересно. А тем временем Егор намусолил палец и собрал на него последние крошки от печенья, допил последний, остывший, глоток кофе. Какой-то фантастический вечер выдался! И напоследок он напечатал, уже серьезно и без всяких шуток:

«И все-таки, почему вы прислали сборник анонимно?»

После он поднялся на ноги и захватил с собой пустые кружку и упаковку на кухню. Наверняка она оставит вопрос без ответа или отшутится. Впрочем, это ее право, и он должен довольствоваться малым. Он вымыл кружку и поставил ее на полку кухонного шкафчика, где без дела стояло целое войско чашек, блюдца и тарелки, заварочный чайник. Много хорошей посуды осталось от отчима, а другую часть посуды ему покупает мама, потому что у него, как она утверждает, совершенно нет вкуса, а гостей нужно чем-то удивлять. Вообще-то, они оба знают, что у него отличный вкус, просто Егор всегда использует одну-единственную кружку, старую и со стертым рисунком, которую подарил ему маленький Захар на день рождения. А Захар всегда таскает разные кружки, приговаривая, что иногда посуду все-таки стоит «проветривать».

Вернувшись к электронке, он открыл входящее письмо. Ответ был ошеломительным.

«Дело в том, что мы с вами, Егор Андреевич, знакомы».

Постепенно и запоздало до Егора стали доходить главные события вечера. Во-первых, он все это время вел переписку с человеком, который знал его самого. И как предзакатный гром, в голове взорвалась мысль: ведь на сайтах редакции и университета размещена его фотография, указана краткая биография, дата рождения, где родился, школа, университет, место работы, научная деятельность, награды за вклад в развитие образования. Во-вторых, все это время Егор самоуверенно считал, что он водит за нос ее, а оказалось наоборот. Шах и мат. Партия проиграна.

Впервые за долгое время он почувствовал себя обезоруженным, даже слегка поверженным.

Как это, спросил у нее он.

«Несколько лет назад я закончила ЩГУ, филологический факультет. Вы читали у меня лекции, а экзамен я сдавала вам трижды. Вы сказали, что я абсолютно не умею пользоваться речью, и мой выбор профессии посчитали необоснованным и преждевременным. Посоветовали больше трудиться над собой!»

Фантастический вечер мгновенно перевоплотился в ужасную ночь, ночь страхов, сомнений и переживаний. Сколько часов Егор провел в созерцании стены напротив? Сложно сказать. Вместо стены перед глазами у него мелькали многочисленные лица студентов, студенток, первокурсников и выпускников, заочников. Господи, сколько их было? А сколько он уже преподает? И подумать страшно, наверное, где-то больше десяти лет? Да-да, все верно, считай, он всю свою осознанную жизнь провел под крышей университета. У скольких ребят он принял зачеты и экзамены? Он и представить не мог, что однажды кто-то из них заявит к нему, упрямый и талантливый, и бросит ему, старому преподавателю, перчаткой в лицо вызов. «Ты, старый хрыч литературный, помнишь меня или не помнишь? Помнишь? Это очень замечательно, потому что хорошенько запомни мое лицо! Его теперь знает весь мир, а ты, дурак трухлявый, твердил мне, что я полная бездарность и трижды завалил меня на экзамене!» или возможен прямо противоположный случай: «Из-за тебя, из-за твоего тупого экзамена, который ты так и не принял, даже, сукин сын, тройки не поставил, меня сперва из универа выгнали, а потом вся жизнь рухнула!». Хоть сейчас ему всего тридцать восемь и очень далеко до старого хрыча, но он уже трижды завалил на экзамене талантливого автора и дважды забыл про ее сборник рассказов, последний из которых перечитал несколько раз. Но неужели он в самом деле виноват, право слово? Неужели у кого-то из-за несданного экзамена или еще хуже зачета ломалась жизнь? Разве не глупость? Егора резко бросило сначала в жар, затем в холод, затем снова в жар, отчего на лбу выступила испарина. Ну вот почему именно сейчас, спустя сотню лет преподавания, он решил, что мог кому-то навредить? Ведь когда он сам пребывал в состоянии студента, разве жаловался на преподавателей? Таил обиду, что не сдал зачет или экзамен? Разве было такое? «Да я и думать о подобном не смел!» – отчаянно-восторженно вскрикнул он. Нет, нет и еще тысячу раз нет! Он крепко зажмурился и сжал руками голову, чтобы выудить из студен-

ческих годов воспоминание о провалах; и как не старался, ему пришлось признать, что провалом следует назвать эту несчастную попытку.

И где-то среди затаивших на него обиду была она – таинственная незнакомка, с которой он вступил в запретную, для главного редактора, переписку, и которая отказывается назвать свое имя, потому что боится снова предстать перед ним той глубоко обиженной студенткой. Он искал в закоулках памяти ее лицо. Какое оно? Какие у нее глаза, волосы и тембр голоса? Должно же хоть что-то задержаться в его мыслях? Хоть что-то?

Немного погодя, когда дыхание по-прежнему рвало грудь, сердце раскатисто гремело, он отважился попросить у нее разрешения писать ей. И она согласилась, ответив скромным, но многообещающим «да».

Егор не писал ей три дня. Обдумывал свое решение. Теперь он жалел, что скоропалительно предложил ей переписку. Почему? Зачем? Для кого он старается? Для себя, чтобы снять преподавательский груз вины с плеч? Для нее, чтобы хоть чем-то утешить ее юношеское страдание? Из-за этой истории он не дал пятой группе контрольный тест, а лишь поспрашивал устно и всех вместе. Все у той же пятой группы не стал принимать зачет, выставив всем автоматически «зачтено». Он не понимал, что с ним творится, но чувствовал себя все хуже, словно виноват в судьбе каждого из них. Насчет преподавательской вины в судьбе студентов он поделился мыслями с Ларой, и она слушала молча, не перебивая его, иногда поджимая алые губы.

– Ну, что скажешь? – тихо спросил он, опуская взгляд.

Она помотала головой и дернула плечом. Затем встала со стула и направилась к двери кабинета под его опустошенный взгляд. Как покинутый родителями ребенок, Егор ждал от нее ответа, больше помощи, а она спешила сбежать от него. Как же так? Вдруг она обернулась, грозно поглядела на него и сказала:

– Я никогда не лезла в твою жизнь. Но это уже слишком. Тебе следует пойти в отпуск или... или...

– Что?

– Закрутить роман, вот что! Чтобы меньше думал!

Отношения.

Этим же вечером он ей написал.

Она ответила.

На следующий день он снова написал. И снова они говорили долго-долго. За ним последовали другие дни.

Он хотел попросить номер телефона. И позвонить. Услышать ее голос. Но не решился, ведь и ему придется с ней говорить, а голос у него дрожит, как рука, в которой он держал телефон.

Они обсуждали ее сборник рассказов, литературу, ее дипломную и его докторскую. Вспоминали запах минувшей осени и говорили о нынешней зиме. Он написал, что видит из окна: крупные мокрые хлопья снега, больше похожие на крупные капли дождя, облепившие город, как стайка белых мух; прямо под окном вытянули свои тонкие, беззащитно оголенные ветви липы, на которых растянуты новогодние гирлянды с мелкими лампочками в форме цветка, – и на душе у него становится тепло, глядя на вновь цветущие липы, тем самым напоминая прожитые годы. Она не любит зиму того города, в котором находится сейчас, и часто вспоминает зимние вечера Щегловска. Нынешняя зима пахнет для нее солью и непросохшей штукатуркой, и праздников она не ждет. И само собой как-то получилось, что Егор признался, что тоже пишет, и в памяти ноутбука хранятся готовые романы.

Их кто-нибудь читал, спросила она.

Он подумал, как правильно ответить. Те, старые рассказы и романы, которые он разорвал в клочья, читали многие: учителя, друзья, мама, отчим. И они им нравились, особенно отчиму; он складывал тетрадки Егора у себя на рабочем столе, как самый настоящий рабочий материал,

среди остальных рабочих рукописей. Они занимали верхнее место в рабочей стопке, и отчим читал их первыми: удобнее садился в кресле, надевал очки, закуривал, читал. А Егор всегда был где-то поблизости, то ходил туда-сюда мимо кабинета, то перебирал книги на стеллажах, украдкой поглядывая на лицо отчима и пытаясь угадать, на каком моменте тот сейчас читает, нравится ему или же он морщится. Но его лицо всегда оставалось непроницаемым, бегали лишь глаза под стеклами очков, и шевелились губы, выпуская щекотливый дым. Для Егора это время было хуже пытки. А потом он все уничтожил и дал себе обещание не писать. Новые романы кроме него самого больше никто не читал, а над неоконченной рукописью он трясется, как над хрусталем.

Нет, их никто не читал.

Почему?

Наверное, потому что я так решил.

Я бы хотела прочесть.

Егор улыбнулся.

Они не стоят того.

Это нечестно. Ты прочитал мой сборник, читаешь каждый день чужие рукописи.

Нечестно. Но жизнь, по правде говоря, кроме того, что сама по себе нечестная штука, так еще и страшная гадость. Именно потому он и читает чужие рукописи, где непонравившийся эпизод он может попросить автора переписать.

Может быть, когда-нибудь я пришлю тебе что-нибудь.

Я буду ждать.

Почему ты не говоришь мне свое имя?

А вдруг ты меня вспомнишь?

Я бы этого хотел!

На какое-то время она замолчала. А он остался в нерешительности и задумчивости.

Ответила она внезапно, когда он перестал ждать.

Расскажи о своей семье, попросила она.

У меня только мама и младший брат, ответил он.

А у меня только мама. Ты был женат?

Нет. Не был. А ты была замужем? Или сейчас?

Была. Почти. Если это только можно таковым назвать.

Здесь Егор остановился. Задумался и нахмурился. Его разъедало странное чувство. Она его отлично знает, он не имеет ни малейшего представления о ней. Возможно, ему пришло в голову это только сейчас, она выдумала, что училась у него, и пользуется этой невероятной историей в собственных желаниях. Да на какой черт разница? Он думал в сию минуту о другом. Он хотел знать то, что ему не положено знать. В голове проносились дикие вопросы. Это был твой единственный мужчина? Да или нет? Да? А если нет? Сколько было у тебя мужчин? Любовники? Возлюбленные? Боже, приятель, ну и мысли...

Она опередила его.

Ты любил?

Да.

А мне раньше казалось, что любила, а теперь почему-то кажется, что я ошибалась.

Твой последний рассказ о том мужчине?

Да.

Мне очень жаль.

Теперь ты все обо мне знаешь. Я сама все рассказала о себе. Расскажи же и ты мне о себе.

В моей жизни не все так красиво, как в твоих рассказах и моих романах. Я не обо всем могу рассказать.

Она снова не ответила и замолчала на некоторое время. А он ждал.

Наконец пришел ответ:

«Давай напишем друг другу настоящие письма, где расскажем о себе. Только все самое хорошее, самые радостные события. Оставим горе себе, а друг с другом будем делиться радостью. Это будут наши письма радости, представляешь? Вот идет все сейчас наперекосяк, а тут приходит письмо, но ты совершенно не пугаешься, что оно может принести плохую весть, ты будешь знать, что в нем одна сплошная радость! Я буду стараться, чтобы сделать чуточку счастливее тебя, а ты меня. Идет?»

Идет. Правда, я очень давно не писал писем. Как думаешь, у меня получится? – спросил он.

Я думаю, да. Хочешь, я напишу тебе первой?

Хочу.

Я начну прямо сегодня.

Я буду ждать.

А через пару минут она добавила. «Егор, напиши мне о своем доме». Она первый раз назвала его по имени, и он прочитал его, как диковинку, состоящую из абсолютно не знакомых ему букв и звуков. Егор. Это же он. Егор, которому напишут настоящее письмо.

После этого вечера он каждодневно отпирал почтовый ящик, порой безнадежно заглядывая в его пустоту, или с предательским чувством обмана вытаскивал всякую напиханную ерунду. Она не напишет, бормотал себе под нос. Обманет. И переставал писать свое письмо о доме. Он истратил много бумаги, выводя каждую букву до совершенства и складывая фразы чуть ли не в поэтический слог. Это было невероятно сложно – рассказывать о себе, словно обнажаться. За каждую написанную строчку он краснел и стыдился, будто каялся; с каждым предложением с него все быстрее слетали нажитые слои: обычная одежда, крепкая броня, беззащитная кожа. Это чувство не сравнить с первым обнажением перед женщиной, с которой занимаются любовью, нет, он обнажал себя для другой цели, чтобы выставить себя напоказ и доказать, что ничего не украл и не прячет. Его руки предательски дрожали.

А потом пришло письмо. Приморье – морской город, вот почему ее зима пахнет солью. Он разулыбался во весь рот. Имя! Теперь он может узнать ее имя! В графе отправителя значилась фамилия и инициалы – «Засекина З. А.».

З.А? – спросил он.

Зинаида Александровна.

Так и не распечатав письмо, он отложил его в сторону, вспоминая кое-что важное. Внутренний голос подсказывал Егору, что дело не такое уж и чистое. Он прошел в рабочий кабинет отчима, где, как и всегда, его ждали книжные стеллажи большой библиотеки. Без промедления вытащил тяжелый в сине-зеленой потрепанной временем обложке томик. Тургенев И. С. Быстро пролистал страницы, отыскав одно-единственное доказательство.

Значит, Засекина Зинаида Александровна, говоришь? – написал он.

Все верно!

Тургенев «Первая любовь», с гордостью объявил он и почему-то через тысячи километров почувствовал, что она там улыбается, читая его сообщение, закрывает глаза и слегка откидывает голову назад, а потом смеется чуть громче.

Ты улыбаешься?

Как ты догадался?

Я хотел бы увидеть твою улыбку.

Ты видел ее раньше.

Я попытаюсь вспомнить.

Все полученные письма Егор хранил в одном месте, в верхних ящиках рабочего стола отчима. Он пока еще не вскрыл только что полученного конверта. Да и не имеет права вскрывать его до тех пор, пока не напишет преждевременный ответ на ее вопрос. Он все еще не знает ее имени, просто Она, с которой он делится радостью, – радостью, от которой бывает совершенно тошно. Он бы с радостью рассказал ей о прошедших выборах декана, как сильно не желал в них участвовать и как не спал несколько ночей перед ними, что едва не уснул на собственной лекции, он рассказал бы ей, как ему все труднее приходится с Захаром, с каждым днем тот становится самостоятельнее и на миллиметр, сантиметр отдаляется от него, выстраивая мостик во взрослую жизнь. Он бы поделился с ней чудовищной мыслью, навещающей его в последнее время чаще некуда, что мечтает никогда не отпускать Захара от себя, но когда мимо Егора по университетскому коридору проходит Маша Грачева, кротко улыбаясь и заправляя прядь волос за ухо, он холодно съезживается, а его внутренности, словно деревянной ложкой перемешивают. И он снова в разговоре с Захаром упомянет ее имя и что она вполне себе хорошая, привлекательная девушка. «И?» – обернется на него Захар и уставится своими живыми глазами. «И ничего! – повысит он тон до преподавательского. – Общайся с ней побольше, она очень интересная, образованная девушка!» И пока брови Захара будут высоко взлетать от изумления, Егор представит картину, как однажды, в одно чудеснейшее утро или один прекраснейший вечер, Захар робко позвонит в его входную дверь, не решаясь открыть квартиру собственным ключом. Он распахнет дверь, сперва встретится взглядом с Захаром, улыбнется и раскинет руки ему навстречу, а потом заметит присутствие третьего, лишнего, человека – Маши Грачевой. «Вот, это Маша. – Заикаясь, начнет Захар. – А это Егор Андреевич, ну то есть, теперь можно просто Егор. Да вы вообще-то знакомы». И по телу Егора пронесется огненная волна, сжигающая все на своем пути, доберется до сердца, и оно лопнет. Ему останется протянуть ей руку и добродушно кивнуть головой, он должен будет радоваться, что Захар все-таки сделал верный выбор, который сделает его счастливым человеком.

До отправления письма она спросила его вновь «Ты любил?». И за этим последовало: «Расскажи о ней, о своей первой любви. Но только, как и договаривались, хорошее, – напомнила она. – И еще одно! Прежде чем читать мое письмо, ты сначала отправь свое. Так мне легче будет».

Хорошо, согласился он.

До будильника оставалось пару часов, и октябрьский рассвет уже дребезжал вдали. По ночам еще тепло, можно не закрывать окна. Однако Егора пробрал озноб. Ему никому и никогда не приходилось рассказывать о той, которую он любил всем своим сердцем, о той, кто стала его первой и, пожалуй, последней любовью.

5

Женщина, потерявшая своих детей.

Бабушка Зоя никогда не говорила, что ее дети умерли. Потеряла – так она это называла. Словно в далеком прошлом они упустили друг друга из виду на большой городской площади и больше никогда не встретились, затерявшись в шумной толпе. Будучи еще маленькой девочкой, Милена все время тоже боялась потеряться, отстать от бабушки Зои то по дороге в магазин, то на больших оживленных улицах Михайловска. Она быстро-быстро семенила за ней ногами и старалась не вертеть головой по сторонам, отчего казалась прохожим странным ребенком, сердитым и всклокоченным. В особенности на Милену наводил страх городской центр Михайловска, где было столько народу, что она едва справлялась с опасением не заблудиться в нем, не сесть не в свой автобус, не свернуть на другую улицу, и, возвращаясь в родной район, усыпанный сплошь маленькими одноэтажными домишками, такой знакомый, такой приветливый и безопасный, надеялась прожить в нем всю оставшуюся жизнь.

Ей нравилось возвращаться из школы домой по широкой, гладкой, асфальтированной дороге. Очень редко по ней проезжал какой-нибудь огромный грузовик, оглушительно тарахтя и сигналив, тем самым одновременно пугая и приводя в восторг всю окружающую ребятню. Чуть в стороне от дороги в большой куче песка копошатся девчонки – дошколята, наверняка песок еще горячий, потому что сентябрь жаркий и сладкий. Отовсюду по воздуху тянет сухой разноцветной листвой, кострами и печеной картошкой. Воздух плотный, его можно тронуть рукой, почувствовать кожей. Милена взмахивает руками, держа ладони лодочками, и подносит к носу, втягивая густой и пьянящий аромат осени. Милена уже большая, ей девять, она пошла в третий класс.

Вдали серебрится ее маленький белый домик с серой шиферной крышей. Дом в яблонях, сразу и не заметишь. Кустистые и косматые ветви надежно прячут его от посторонних глаз, а нижние ветви тяжелые от переспевших плодов. Вчера ночью Милена открыла окно и высунула руку прямо в темноту, а вернула ее с небольшим ярко-красным яблоком в ладони. Она обтерла его о пижаму и улеглась в кровать, закинув одну руку за голову. Она жевала хрустящий плод, сочный, что сок скользил по пальцам, и размышляла, что, наверное, приблизительно так выглядит человеческое счастье, пока за раскрытыми ставнями стрекочут ночные сверчки, и от влажной земли, еще пока не остывшей, поднимается теплый запах сырости.

В этот день она с радостью возвращается домой, на душе спокойно и светло. Она гадает: что же бабушка Зоя приготовила на обед? – она вкусно готовит, пальчики оближешь. Милена давно приглядывает за ней, сколько и чего класть в миску, что с чем смешать и какую щепотку добавить, а по ночам переписывает ее кулинарные тетради в свою толстую школьную тетрадку и по краям листа рисует готовые блюда – получается неплохо. Бабушка Зоя всегда приговаривает, что готовка и выпечка абсолютно разные вещи: с выпечкой не захитришь, не докладывая или перебарщивая, она неточностей не терпит – «хочешь вкусный пирожок – имей зоркий глазок!». Милена хорошо выучила это правило.

Вот впереди калитка, на крыльце, как обычно, несет свою службу дед Алексей. Что-то ворчит при виде Милены, и она смеется в ответ, подразнивая его. Ох уж и смешной у нее дед! Все о какой-то войне толкует, которая тысячу лет назад закончилась, до сих пор сидит на крыльце в пиджаке с орденами и кого-то ждет! Из кухни она улавливает вкусные запахи обеда, вот и сама бабушка Зоя в нарядном платье. Особенное платье, специально сшитое «для портрета»: они втроем ходили фотографироваться на день рождения Милены в фотоателье, она сидела между ними и держала каждого за руку. Настоящая семейная фотография, какая должна быть в пыльном альбоме каждой семьи. Потом бабушка Зоя и дед Алексей фотографировались каждый по отдельности, с очень серьезным лицом, даже ни намек на улыбку. Дед Алексей очень тоскливый получился, а бабушка Зоя какая-то ненастоящая, холодная и далекая. А мне можно одной также сфотографироваться, спросила у них Милена. На что бабушка Зоя ответила, что ей слишком рано делать подобные фотографии, но затем уже дома несколько раз повторила, где будут храниться эти фотокарточки и чтобы Милена не забыла про них в случае чего. «В случае чего?» – переспросила она. «Будет еще случай!» – и бабушка Зоя закрыла разговор.

Они садятся за стол, дед Алексей шаркает ногами, добираясь до своего стула, и с тяжелым вздохом наконец усаживается. Бабушка Зоя подает и первое, и второе, и сладкие булочки с маком. Какой же сегодня удивительный день, поражается Милена. Она тянется за второй булочкой, и крупинки мака слетают с верхушки на столешницу. Снова и снова. Милена смеется, пока пальцем собирает мак и отправляет его в рот. Бабушка Зоя тоже смеется, и глаза ее горят каким-то чертовским огоньком. В них плещется что-то незнакомо-знакомое, что вызывает мелкую дрожь по хрупкой спине Милены, а в душе оставляет чувство необратимости. «Какой-то удивительный сегодня день! – еще раз думает про себя Милена. И следующая мысль: – Фальшивый!»

После обеда и даже ужина бабушка Зоя настаивает на том, чтобы Милена не помогала ей с грязной посудой. Вот дела! Пораженная она скачет к себе в комнату и делает домашние уроки под звуки брякающих тарелок и ворчание деда Алексея. Бабушка Зоя даже в этот вечер не сердится на нее, что она до сих пор еще не в постели, а рисует в стареньком бумажном альбоме разноцветными карандашами и из бумаги вырезает человечков – худеньких дамочек в пышных юбочках.

Уже почти полночь, и во всем доме она одна-единственная не спит. На столе тускнеет одинокий ночник, слабо освещая небольшую комнатку с узенькой кроватью и шкафчиком для одежды. Перед сном бабушка Зоя заглянула к ней и ласково так пропела, не собирается ли она спать? Нет, ответила она нерешительно. Кто знает, что за этим последует? Однако бабушка Зоя только улыбнулась ей и доброй ночи пожелала, да про деда, говорит, не забудь – ему пожелай. Милена кивнула и, встав из-за стола, направилась в сторону дедушкиной комнаты. Дед Алексей и бабушка Зоя спали в разных комнатах; дед обитал в той, что поменьше и ближе к печке, чтобы теплее ему было. «Доброй ночи!» – кричит она, а он, по самую макушку накрытый одеялом, ворчит: «Доброй, доброй...» У кровати на стуле пиджак расправленный висит, ни одной складки, и ордена на нем тоже «отдыхают». Она возвращается к себе в комнату и все никак не может отделаться от странного чувства фальшивости. Тут явно что-то нечисто! Когда ей бабушка Зоя такие праздники устраивала? Обычно вон как: обед не доела – подзатыльник, за уроками ворон считаешь – подзатыльник, посуду плохо помыла – два подзатыльника, чтобы на будущее знала, что посуда должна всегда чистой быть, с улицы не вовремя домой вернулась или по первому зову не явилась – бабушка Зоя и метелку в руки могла взять, не постеснялась бы! А тут – спи не хочу!

Залезая в кровать, Милена вдруг вспомнила, что кое-что не сделала. На цыпочках пробирается в коридор, а оттуда в комнату бабушки Зои, осторожно так крадется, почти не дышит. Ей нужно это «кое-что» проделать тайно, иначе заругают! Где хранится старый фотоальбом, она на ощупь и с закрытыми глазами обнаружит. Бесшумно отворяет створки бабушкиного комода (бабушка Зоя теперь его здесь прячет, подальше от глаз Милены) и на одном дыхании, когда пальцы касаются бархатистой корки, вынимает альбом. Прижимая свое сокровище крепче к груди, она крадется вон из комнаты. И только проходя мимо высокого шкафа с одеждой, улавливает едва ощутимый запах. Милена принохивается. Господи, не может быть! Незваное чувство тревоги подталкивает ее к шкафу, заставляет вскрыть его и раздвинуть тяжелую верхнюю одежду в стороны. Запах сильнее, насыщеннее, кисло-сладкий, чуть пьянящий. Милена уже прекрасно знает – так пахнет беда.

Бабушка Зоя переворачивается с бока одного на бок другой, постанывает во сне. Последнее время она отяжелела по-старчески. Милена слушает, как скрипит под ней кровать, а на глаза наворачиваются непрошенные слезы.

На следующий день в школе на перемене она всем показывает две фотографии. Мамы и папы. На девчачьих лицах застывают истинный восторг и удивление. Однако Милена понимает, что показывая эти фотографии, в сущности, поступает очень непозволительно и непроститительно по отношению к бабушке Зое. Деду Алексею уже все равно, а вот она... Глубже втягивая воздух, Милена разрешает окружающим зевакам рассмотреть фотографии чуть ближе. Она нарочно выбрала самую красивую фотокарточку – ту, где Женька на Брижит Бардо похожа, очень загадочная фотография вышла. А взрослый Ванечка был запечатлен только на одной-единственной фотографии – где он у речки, но взгляд у него пристальный и пронизывающий насквозь.

Неделю назад учительница рассказывала всему классу одну историю. Вернее, сюжет одного очень старого фильма. Милена любила слушать такие истории, бабушка Зоя не слишком-то умела увлечь рассказами – по обыкновению она говорила просто правдиво, так, как есть

на самом деле. И от большинства ее рассказов у Милены оставался горький осадок на душе и желание расплакаться. А вот учительница, Анна Ильинична, говорила сердечно, переливисто, изображая разным голосом всех персонажей. Право слово, будто спектакль настоящий! Она вышла на середину школьного кабинета и от лица мужчины негромким голосом рассказывала о войне, о том, как однажды один человек потерял семью, и жену, и сына, как он страдал, и ему больше не хотелось жить. Не хотелось жить до тех пор, пока в один ясный день он не повстречал маленького мальчика – сироту, чья семья тоже погибла на войне. «Папка, ты мой папка!» – закричала учительница, изображая мальчика, обнимая руками саму себя. Да, да, да, я твой папка! – и они кинулись друг другу навстречу. Детские ручки обвилились вокруг сильной мужской шеи...

Класс слушал молча, а Милена вдруг разрыдалась. Да так сильно, что слезы покатались градом по ее щекам против воли. Анна Ильинична испугалась, и, схватив Милену в охапку, они помчались через все улочки к ней домой. Всю дорогу Милена билась в истерике, не обращая внимания на камни и дорожные впадины под ногами, и даже не заметила, как учительница вручила ее бабушке Зое. Потом она весь долгий вечер, скрючившись, лежала на кровати, в груди отдавались гулкие и тяжелые всхлипы, а голова разрывалась на куски от боли. Да что там голова – ее жизнь разлеталась в куски, а бабушка Зоя лишь сказала, что это все сучья жизнь и придется привыкать.

Когда одноклассники вернули ей фотографии, она спрятала их за пазуху. И для надежности весь последний урок держала на них ладонь, из-за чего Анна Ильинична пару раз спросила, не болит ли у нее чего-нибудь? Она только покачала головой. Главное – вернуться домой и вернуть фотографии на прежнее место, дабы бабушка не догадалась.

Домой она возвращалась одна, без школьных подружек. Такое часто случалось, что на несколько дней женская дружба рушилась. Сначала Милена шла с подругой по одну сторону дороги, а третья подружка по другую в гордом одиночестве и на грани слез, на следующий день они менялись. Дружба втроем – так себе занятие, непрочное и недолговечное. Она шла по дороге к дому, по которой привыкла ходить с тех самых пор, как вообще научилась ходить. Оставалось совсем чуть-чуть... Вот дом Ольги с Иваном, а через несколько домов ее дом, скрытый яблонями. Сейчас он не серебрится вдали. Запах беды растекается маслом по воздуху, он плотно забивает ноздри. Милена ощущает кожей, спиной, чем угодно, что там впереди холод и запустение. Она все придерживает фотографии. Она знает, что у беды особенный оттенок, особенное дыхание – мучительное и беспощадное.

Она сворачивает с дороги и распахивает калитку, проходит мимо деда Алексея, который снова бормочет о войне, не поднимая на нее глаз. Она входит в дом, и ее обнимает нескончаемая тишина, на все следующие дни она ей и бабушка, и мама, и подружка. Потому что на весь дом стоит крепкий запах бражки, а бабушка Зоя опять решила забыться в настоящем, чтобы уйти от прошлого.

– Ты! – она наставила на Милену палец, словно пистолет. – Вот где ты шляешься? Кому все улыбаешься? Хочешь, как мать закончить?

Бабушка Зоя сидела за столом вполборота, одной рукой свисая вниз. Волосы растрепаны, две нижние пуговицы на халате расстегнуты, лицо опухшее от выпитой бражки и мокрое от слез. Подобное происходит в третий раз.

В самый первый раз, увидев бабушку Зою в ужасном, отвратительном и почти нечеловеческом виде, Милена испугалась и совершенно не представляла, что ей делать: она пыталась с ней говорить, но та лишь бессвязно бормотала влажными губами и отсутствующим взглядом глядела на внучку. И этот чертов запах, от которого при ее противном дыхании разъедало глаза! Так пахли только мужчины, постоянно околачивающиеся у пивнушки! А это плохо, очень плохо! Она кое-как дотащила бабушку до кровати и уложила, как смогла. После села на пол и закрыла лицо трясутимися руками – в восьмилетней девчонке больше не осталось сил,

и руки, и ноги дрожали, она вся вспотела, на лбу испарина, а сердце вырывается из груди. Она приказала себе думать, что бабушка просто заболела, ей нездоровится, и она помогла ей прилечь. Завтра должно все закончиться! Но «болезнь» растянулась на несколько дней. Бабушка Зоя не была буйной, когда выпивала; она была опасной, и тогда точно всем в доме места мало становилось. Ее память выкидывала трюк, возвращаясь к тем далеким годам, когда она еще не была замужем за дедом Алексеем, когда еще были не потеряны ее дети. Она говорила и говорила, бесконечно и бессвязно, жонглировала словами из разных временных отрезков и вспоминала то, о чем лучше всего забыть навсегда. Именно в такие мгновения Милена узнавала о себе, о своем имени и о своем происхождении, и правда зачастую не приносила удовлетворения, а приносила нестерпимую боль и глубокое сожаление. Во второй раз Милена оказалась проворнее и умнее – сумела найти небольшую фляжку с бражкой по запаху, словно поисковая собака, в шкафу с верхней одеждой. Бабушке об этом не сказала, решила пока попридержать знание при себе, да посмотреть, что будет дальше. А дальше произошел третий раз... Девятилетняя Милена еще пока не догадывалась, что дальше все будет только хуже и хуже, а тем временем она на себе тащила пьяную бабушку, потому что толку от деда Алексея совершенно никакого – он себя-то не каждый день вспоминает, – и укладывала в холодную кровать, потихому ненавидя ее за это. Затем шла на кухню, закатывала рукава на детском свитерке и принималась готовить ужин. И во время готовки опять же потихому благодарила бабушку, что научила ее дружить с кухней.

– Готовь, готовь! – раздавался бабушкин голос. – Я же вас всех кормлю! А, забыла, Миленка? Кто тебя кормит?

Милена молчала.

– Молчишь? Ну молчи, молчи! Мать твоя тоже молчала, когда не надо было! А вот папаша твой, чтоб он перевернулся! Чтоб ему пусто было! Пусть ждет меня в аду, я его там найду! А, Миленка? Слышишь? Твоего папашу я найду!

Или же: если бы не ты, Миленка, мать твоя живая была бы. Слышишь, Миленка? Мать живая была бы!!!

Последнюю фразу она повторяла чаще всего. С оттенком укора и презрения. Слышишь, Миленка, живая!!! Это значит – она виновата, что мать умерла. И никто другой.

Ужинают они вдвоем с дедом Алексеем, потом она укладывает спать и его. А тем временем бабушка Зоя кричит из своей спальни, что Миленка, паршивка такая, бабушку родную не кормит! Я же вас всех кормлю! И шмотье ваше стираю! И дом убираю! И жопу твою, Миленка, мыла и ползунки обоссанные стирала! А, Миленка, паршивка, будешь меня кормить? Когда она приходит к ней с наполненными тарелками, та недовольно фыркает и говорит, что картошка пригорела и воняет! Вот чему я тебя учу? А? Вот все ты смотришь, как я готовлю, а картошка воняет! Деда накормила? Дед не голодный? Почему ты кормила деда? Знаешь, сколько я от него намучилась? Никто не знает, сколько я терпела из-за него! Алексей, ты спишь? Ну-ка просыпайся, старый хрен!

Все это бабушка Зоя кричала из своей комнаты, лежа на своей кровати. И несколько дней этот кошмар, до тех пор пока она сама не решит на время отставить стопку, будет приводить Милену в бешенство и оставлять ей ежедневные вопросы, как математические ребусы из старшей школы, до которых еще пара лет впереди. Как поступить на следующее утро: оставить бабушку одну и уйти в школу? Или же остаться дома и следить за ней и не пойти в школу? Если она не появится несколько дней на уроках, то учительница, Анна Ильинична, сама заявится к ним домой и увидит вот это... все. Пьяная бабушка и старенький, плохо соображающий, дед на попечении маленькой внучки! Тогда настоящей беде не миновать.

Когда, кажется, все уснули, Милена забилась к себе в комнатку. Достала фотографии Женьки и Ванечки и любовно погладила Женькино лицо. Подружки в школе сегодня ей поза-

видовали, что у нее такие красивые родители. Были. После того урока, на котором она с позором расплакалась, всю прошедшую неделю Милена только и болтала о родителях, вот бы и она их также встретила в один прекрасный день, прямо как тот мальчик из фильма. Какой он везучий! И, наверное, счастливый! Она уже давно усвоила разницу между собой и остальными ребятами, как тонкая грань между мирами, где не существует входа в один и не существует выхода из другого. Где одни имеют родителей, а другие нет. Потерять родителей с возрастом – не одно и то же, что не иметь их вовсе от рождения. У таких остаются воспоминания, звуки их голосов, запахи их тел, сила родительских поцелуев и объятий, остаются мебель, поношенная одежда, аромат в шкафах, любимые книги с закладками или с завернутыми страничками на любимых местах, любимые кружки и тарелки, любимый стул за обеденным столом, расческа с волосками и обувь у двери, остаются любимые рассказы, фильмы и мелодии, любимые певцы и актеры, даже остаются любимые магазины и вид хлеба в лавке. Все это можно хранить, а можно избавиться, все это можно сберечь в памяти, а можно постараться бесследно стереть. У тех же, у кого никогда не было родителей, ничего нет. Есть тысячи предположений и вопросов. Можно бесконечно долго Милене смотреть на Женькино лицо и, имея фотографию в руках, так и не знать, какой она была на самом деле. Бабушка Зоя говорит, что у нее был мягкий голос. Мягкий? Что значит мягкий? Бабушка говорит, что у нее был звонкий и переливистый смех. Это какой такой? Бабушка говорит, что у нее была твердая походка. Это как? Бабушка говорит, что она любила петь. Как она пела? После нее остались вещи, вот только представить что и как, было невозможно, потому что в голове Милены рисовался образ возможной матери, а не матери настоящей. В ее голове жила иная, собранная по крупицам и частичкам бабушкиных рассказов в трезвом уме и в горячем хмельном бреду, женщина, которая наверняка была не похожа на маму живую. И когда Милене постоянно говорили, что она виновата в ее смерти, она прекрасно понимала, что вина ее лежит не только отпечатком в прошлом, но и на далеком будущем, которого она лишила и себя, и всех остальных.

Сегодня в школе ей позавидовали. Кто-то считает ее загадочной и таинственной, потому что она не такая как все. А кто-то позавидовал красивым фотографиям, но никак не самой Милене. Кто-то иногда испытывает к ней сожаление, например Анна Ильинична, и дарит светлую улыбку, протягивая руку с редкой конфеткой. А кого-то она злит, сама и ее печальная история происхождения. А кого-то ее близкое существование пугает, и этот кто-то старается держаться от ее семьи и дома как можно дальше. Но сегодня в школе ей позавидовали...

Она разложила перед собой фотографии. Никто из школьников никогда так и не узнает, что она их немного обманула. Станет ли им от этого плохо? Вряд ли. Просто фотографий отца у нее не имеется, да и, наверное, никогда уже и не будет. Его лицо она видела всего один раз – на деревянном кресте прибитая железная фоторамка с датами жизни и смерти. Вот потому она без разрешения взяла снимок Ванечки, своего родного дяди. Об этом тоже никто из школьников не узнает, потому что его лицо никто и никогда не увидит, из-за того что он больше никогда не поднимет ни на кого свой пронзительный взгляд с прищуром, будто насквозь, будто прямоком в душу глядит. У него нет могилы, но о нем есть память, и не только в старом обветшалом фотоальбоме в красном бархате. У его семьи есть память, однако нет места, где ее можно почтить.

Тринадцатилетний Ваня больше всего на свете любил воду. Жаркие, летние и свободные от школьных занятий и домашних забот дни он с друзьями проводил на речке. Яркое солнце, водная гладь и крутой берег, с которого мальчишки бросались вниз. К вечеру все возвращались загорелые, уставшие, пропахшие речной водой и счастливые. Дома он брал на руки маленькую Женьку и носил по комнате, рассказывая ей о речке и солнце, о своих друзьях и о рыбе, которую поймал рано утром и сразу же принес матери. По дому уже витали аппетитные запахи жареной рыбы, и слышалось шкворчание накаленного масла на сковородке. Женька беззаботно улыба-

лась и трогала пухлой ручкой волосы брата, которые от постоянного нахождения на солнце так выцветали, что приобретали сияющий блеск. Когда Зоя вышла из кухни к детям, она на мгновение замерла и перестала дышать, так ей не хотелось прерывать их. Ей казалось, что от сына прямо исходит солнечное тепло, впитанное за весь день, а в глазах, как в отражении, застыла вода, глубокая и безмятежная. Боже, как же она любила глаза сына! Ни у нее, ни у Алексея не было такого цвета глаз. У Светы они были холодные и прозрачные, как сама пустота... Зоя тряхнула головой, нет-нет, нельзя об этом думать, нельзя их сравнивать. У Ванечки с самого рождения такой взгляд добрый, притягивающий, не как у других новорожденных – мутный, неосознанный, даже слегка туповатый, словно озираются по сторонам и думают, ну какого же черта я тут очутился? У Женьки же взгляд отцовский, большие темные глаза, но хитрющие, как у лисы. Зоя ласково улыбается... На загорелой мальчишеской шее, в расстегнутом вороте клетчатой рубашки, виднеется крестик, маленький, серебряный. У Женьки точно такой же, на пухленькой, белоснежной шейке. Они с Алексеем сына крестили сразу же после смерти Светы, а Женьку сразу же после рождения. Для защиты, что ли, небесной, коль сами ее убе-речь не смогли. Пусть под Богом ходят, дети ее любимые. Пусть дарует он им царствие земное, любовь да благодать, да защитит их от злости и горя. Женька дергает Ванечку за волосы, а он, смеясь, дует ей на личико. Боже милосердный, храни их! Зоя все никак не может сдвинуться с места, будто ноги ее в пол вросли.

С рассветом сын уходил на речку рыбачить и изо дня в день приносил улов, когда побольше, когда поменьше, а бывало и вовсе всю рыбу обратно в воду отпустит. Смеясь, говорил, что пожалел. Он всегда возвращался с мокрыми волосами и во влажной одежде, так и не успевшей просохнуть по дороге. На рыбалку он ходил со своим лучшим другом – тоже Иваном, на год старше. Иногда, застирывая его рубашки и штаны, Зоя ощущала склизкий рыбный душок и недовольно качала головой: вот как с тобой девчонки будут целоваться, а? Ванечка же только улыбался, мило и так по-мальчишески, что Зоя не могла ругаться на него. Но зато перед сном жаловалась Алексею: вот как с ним девчонки будут целоваться, а? И Алексей тоже улыбался, по-доброму и по-родному, что она снова не могла ругаться. Он целовал ее в горячие щеки и крепко прижимал к груди, обещая, что ничего страшного не произойдет. А Зоя вздыхала и думала, куда же еще после смерти дочери может быть страшнее? И гладила ладонью почти седые волосы мужа, приговаривая, что все-таки хватит им, наверное, рыбы.

Он мог переплыть речку туда и обратно без передышки. И под водой тоже. До него пока такое никто не проделывал. Слишком уж опасное и коварное течение у реки, особенно в этом месте. Перед тем как снова это сделать, он окидывает взглядом берег, где собрался целый зрительный зал. К восхищенным взглядам он привык, у него даже прозвище имеется – «Водяной», потому что умеет обращаться с водой как следует. Он ее уважает и любит бесконечно. Вода для него не просто стихия, а сила и радость жизни, в ней он как рыба. А поздней осенью, зимой и ранней весной, пока снега не сошли, он подобно золотистому карасику на суше, задыхается и все бродит по скованному берегу, ногой пробуя лед на прочность. Он раздевается и оставляет одежду на земле. В желудке трепет, в пальцах ног покалывание от предвкушения привычного наслаждения. Еще чуть-чуть и он почувствует ее... ласковую, нежную, как материнская рука. Он делает два шага навстречу, и за спиной раздается одобрителный вздох. Вода расступается перед ним, пропуская вперед, и когда он касается ее, то она обнимает его ступни, словно ступни драгоценнейшего и желанного гостя. Вот оно! Отталкиваясь от берега, он ныряет – быстро, сильно, глубоко. Какое же наслаждение скользить в водном потоке, подобно скользкой рыбе, быть легким и невесомым, ощущать толчки ног всем телом и устремляться только вперед. Добравшись до противоположного берега, он возвращается назад. И выходя из воды под улюлюканье, чувствует ее влажные следы у себя на волосах, на коже, как крохотными капельками она стекает вниз, еще несколько секунд даря ему нескончаемое удовольствие.

На берегу ждет верный товарищ Иван, сидя рядом с его брошенной и нагретой солнцем одеждой. Иван плавает плохо, даже можно сказать, хуже топора. Руки и ноги у него длиннющие, а толка от них в воде нет – машет ими как ошалелый. Но Ване кажется, что друг просто стесняется признаться, что боится воды и глубины. Он единственный из всех, кто не прыгал в реку с крутого и обрывистого берега, единственный, кто не заходит глубже обыкновенного, единственный, у кого широко раскрываются глаза, едва волна хлестанет по подбородку. Но он научит его держаться на плаву, обязательно научит, ведь у них впереди еще так много нерастратченного времени, что пока спешить некуда. Он накидывает горячую рубашку на плечи и натягивает штаны с завернутыми концами, чтобы в них не попадал песок. Ну и жарыща! И солнце так высоко-высоко! Он поглядел в небо, прикрывая лицо ладонью и сощуривая глаза в две пристальные черточки. Наверняка здесь они пробудут целый день, до самого позднего вечера...

Когда к компании двух друзей-тезок прибилась девчушка, Зоя не углядела. «Алексей, что за девочка? С какой улицы, не знаешь?» – поинтересовалась она у мужа, когда сын скрылся в пылевом облаке дороги. Алексей пожал плечами. Да откуда мне знать, честное слово, Зоя? Тут Женька ходить начала, а она все о ерунде. Взрослый парень-то уже, ей-богу! Но материнское сердце трудно обмануть, и в уголки женской души стали закрадываться мрачные и опасливые чувства.

Все чаще она стала замечать отделившуюся от всей компании троицу: сын, долговязый друг и светловолосая девчонка. Все они как-то бочком, все как-то стороной держатся, молчаливо и пугающе. А что ты с ребятами больше не дружишь, в конце концов, спросила она у сына. Дружу, ответил он. И улыбаться он перестал, все больше хмурится. И угрюмый стал. Как-то в один день она сказала мужу: Алексей, пойди, поговори с сыном, спроси, что там происходит. «Зоя! Да оставишь ты сына в покое? Ну взрослый парень уже, а ты все его в юбку кутаешь!» – вскрикнул Алексей. Значит, я спрошу сама! – настаивала она. Муж стукнул кулаком по столу: не лезь со своим бабским к парню! Однако Зоя устояла на своем и сумела вытянуть из сына пару слов, что девочку зовут Оля и живет она через три улицы, недавно с родителями из города переехала, да учиться будет с ними в одной школе. Вот как-то так. А что знаешь еще? Не глядя на мать: больше ничего сказать не могу.

В тот день Зоя как раз развешивала стираное белье во дворе дома. Вот, Алексей, ну, черт бы его взял! Опять забыл веревку потуже натянуть, того гляди сейчас чистые простыни землю обтирать станут. Она закинула белье на плечи и задрала длинные концы простыней и пододеяльников повыше – придется все самой делать, вечно до мужа не допросишься! День стоит жаркий, солнце в зените высоко над головой щурится маленьким шариком в ясном и безоблачном небе. Белье высохнет быстро – значит, можно весь день стирке посвятить, а то сибирское лето оно такое: сегодня жара, а завтра дожди, кто знает? От влажной ткани веет прохладой, и когда простынь прилипает к горячему телу Зои, она с жадной мыслью думает, как замечательно сейчас на речке, как было бы неплохо искупнуться, скинуть одежду, распустить волосы и прыгнуть в воду. Сколько она уже не купалась? Давненько это было, когда еще девчонкой была, в родной деревне. Они тогда часто с подружками к воде бегали. Эх, замечательное время было – молодость! Белье пахнет свежестью – как же приятно спать на чистом постельном после тяжелого дня.

Она оборачивается, а в полураскрытой калитке стоит девчонка. Оля. Та самая. И какая-то испуганная, прибитая. Шмыгает носом.

– Чего тебе? – ласково спрашивает Зоя.

– Там Ваня ваш...

– Что?

– Утонул... в речке...

Несколько секунд напряженной внутренней борьбы между тем, чтобы броситься и бежать, бежать до речки и броситься в воду, в самую пучину, с головой за ним, и чтобы не верить... не верить этой девчонке... не верить. Выстиранное до белоснежного сияния белье с шелестом падает на землю и тащится за ее ногами еще несколько метров.

Милена спрятала фотографии под подушку. В ночной глубине дома слышны редкие вопли бабушки Зои. Ночь. Самое беспокойное время, в него как вор, как бродяга, как чужестранец входит беда бесшумной поступью. Не стуча в двери и окна, не испрашивая позволения, она располагается полноправной хозяйкой. В смерти сына бабушка Зоя Милену никогда не винила, только себя и деда Алексея. И в минуты, когда совсем терялся рассудок, – некоего Ивана.

Осенью и весной Милене было запрещено гулять вблизи речки, пока лед обманчивый и ненадежный. Да и летом она никогда не купалась, летом под страхом жизни и смерти запрещено подходить к воде. Сидеть у берега и скучать, скучать и глядеть на хитрую воду, скучать и бросать в нее камни, которые тонули в ней со скоростью света. Бульк! Бульк! Бульк! Обычно она только печально вздыхала, когда под рукой кончались крупные камешки, и пересаживалась в другое место. Бульк, бульк, бульк.

– Почему ты никогда не купаешься?

– Мне мама не разрешает, – со вздохом ответила она, потирая худые коленки все в песчинках.

– Мама?

– То есть бабушка...

Она опять проговорила. На сей раз перед ребятами. Не следует говорить им, что она еще по недавней привычке зовет бабушку Зою мамой. Все не отвыкнет никак, сложно это. Без мамы. Особенно когда у всех присутствующих она есть.

– Да брось, давай поплаваем маленько. Ты боишься, что ли?

– Нет, не боюсь.

– Ну так давай!

Давай. Чуть-чуть, да? Конечно! Она погрузилась в теплое течение, почти без страха к воде, но преисполненная страхом перед бабушкой. Какая же вода ласковая! Бабушка такой никогда не бывает. Как здорово водить рукой по речной глади, как волшебно! А какая она сама легкая, как перышко! Милена смеется, звонко и переливисто отдаваясь эхом по речной тиши. Наверное, смеется она точно так же, как и мама. Даже если это не так, то пусть сегодня будет именно так! Она попрыгала на двух ногах, затем осторожно на одной только правой. Решилась на левой. Как лихо получалось у нее выпрыгивать из воды, словно мячик резиновый. С каждым толчком все выше и выше, а вода ее как будто на руках в небо подкидывает...

Потом все было словно в тумане, она плохо помнила, потому что бабушка Зоя как-то ловко, а главное незаметно, выловила ее из речки и потащила через весь поселок, держа прямо за волосы на затылке. Они шли молча: бабушка смертельно бледная с железной хваткой в пальцах и она вся как заяц от испуга дрожащая. Ох, и взбучка ее дома ждала! Стоя в дальнем темном углу комнаты, лицом к стене, она слушала о том, как бабушка уже по горло сыта, как сил ее больше нет терпеть эту поганую, ненавистную, злую, жестокую жизнь, чтоб черт ее побрал! И Милена, ковыряя пальцем штукатурку на стене, тоже размышляла о своем: наверное, если бы она утонула сегодня, то бабушка совершенно не расстроилась, не загрустила по случаю ее ужасной гибели. Нет-нет, от нее у бабушки Зои и деда Алексея одни только неприятности, от нее у них одни беды, если бы не она и мать жива была бы. Она горько вздохнула, и стало ей совсем печально-печально. Наверное, лучше бы она умерла сегодня, чем стоять вот так в углу. Всеми брошенной и покинутой.

– Давай с нами в речку?

- Нет-нет, – твердо сказала Милена. Она больше туда ни ногой. Слово дала бабушке Зое.
- Ну и трусиха!
- Слабо?
- Не пойду и все тут! – неожиданно для себя ответила она. – И вообще! Там двойное дно!
- Что это такое? Что ты выдумываешь? Какое еще дно?
- Двойное!

Она сказала это так уверенно, что чуть ли не загордилась собой. Правда, она не знает – двойное там дно или еще какое. Она вообще, по правде говоря, не знает, есть ли дно у этой реки. Она же купалась всего-то один раз и то у берега, а там дальше кто его знает! Но она хорошо слышала, как про двойное дно бабушке Зое сказал Иван, сосед. Они опять ругались, и он как закричит, будто сумасшедший: «Двойное! Двойное у этой гребаной реки дно!» А бабушка ему в ответ: «Ну сукин сын, я выведу тебя на чистую воду!»

Несколько раз Милена приходила к реке и, задыхаясь от волнения, глядела с обрыва вниз. Река недовольно шумела, и ее гул улетал далеко в небо. В запутанных ветвях деревьев кричали птицы, и здесь, на обрыве, ветер трепал ее волосы и тонкое платье. Аккуратно, боясь поскользнуться на гладких и плоских камнях, она ползла вниз к реке, одновременно цепляясь рукой за сухие корни. Она приходила сюда не плавать тайком от бабушки, не мочить ступни и не разглядывать круги на вечерней воде. Она приходила сюда искать его. Может быть, однажды, в один задумчивый вечер, он вынырнет из речных глубин. Тот самый Водяной, что знает воду лучше всех на свете, улыбнется, сверкнув своим неповторимым взглядом, и скажет, что видел подводное царство. Она подолгу вглядывалась в сгустившиеся сумерки и прислушивалась к каждому всплеску, но вместо него сильный ветер пригонял из-за реки тяжелые грозовые тучи, недружелюбно нависающие над водой. Слышались низкие раскаты грома, и яркими вспышками мерцала первая молния. С неба падали первые капли дождя, холодные и настойчивые. Милена вскакивала с земли и пускалась обратно по обрыву вверх, по уже скользким от настоящего ливня камням. Она со всей силой карабкалась вверх, обдирая кожу на ладонях и коленях, соскальзывая по влажной земле вниз. За спиной ветер гнал и мутил воду, гнул ветви и разбрасывал листву, пока она пыталась подняться. Еще мгновение, и она наверху. Грязная, промокшая и трясущаяся от холода она вбегала в дом, и бабушка Зоя охала, с досадой качая головой, ну что ты за ребенок такой, Миленка. Господи, ну за что ты мне такая досталась! Смотри, все платье изорвала, вся как свинюшка грязная! Одна морока с тобой! Вот если бы мать твоя живая была...

Милена запустила руку под подушку и вынула фотографию Ванечки. Пока сентябрь теплый стоит, надо бы сбегать еще раз к речке, да подождать его. Она бы сделала это непременно завтра после школы, но пока бабушка Зоя не вернется из своего хмельного горя, она не станет этого делать. Она здесь нужна, дома. Она не имеет права бросать их. «Я приду к тебе», – пообещала она ему и спрятала снимок под подушку, где уже покоилась Женька. Надо будет только одеться, как положено, ботинки покрепче, а то в этот год обрыв размыло в конец, с каждым разом все сложнее и сложнее карабкаться вверх.

6

Женщин в жизни Егора было немного, скорее, их не было вовсе. Либо они принадлежали самим себе, либо же кому-то другому, но только не ему.

В двадцать девять лет Егор повстречал Эмму. Она вошла в его редакцию той самой походкой, от которой мужчины теряют разум. До непосредственной встречи они созванивались два раза, и он уже слышал ее приятный, чуть низковатый для женщины, голос в телефонной трубке. В первый раз разговор прошел быстро, они договорились о времени и месте встречи, на том и закончили. Но неожиданно Егору пришлось уехать в командировку, и он попросил своего

секретаря отыскать номер телефона Эммы, журналистки с местного телевидения, с которой у него назначена встреча для интервью и записи ролика в местный эфир. Второй разговор длился дольше, и Егор словил себя на мысли, что наслаждается ее грудным голосом, отчего по шее и по спине, опускаясь все ниже, пробегает холодок дрожи. Непривычно для самого себя он зажмурил глаза и сжал в пальцах рабочую трубку телефона, отчего все мышцы в теле напряглись и будто стали деревянными, несгибаемыми.

Он не запомнил, во что она была одета и как выглядела, покрашена или причесана, хотя Эмма потом постоянно упрекала его за эту оплошность, мол, она так старалась, чтобы выглядеть потрясающе. Словом, она всегда выглядела потрясающе. Она вошла за секретарем, улыбувшись и приветствуя его, а звук ее голоса шумом наполнил голову Егора, и ему стало невероятно душно; рукой он потянулся к вороту и ослабил галстук.

Эмма присела на стул напротив него, выложив на стол ручку и записную книжку. Сегодня мы с вами набросаем план нашего интервью, подготовим вопросы и ответы, чтобы потом лишь отлично снять ролик, говорила она. Егор снова потянул галстук. Ее записная книжка в мягкой обложке вишневого цвета перевязана шерстяной нитью. Не отрываясь, он следил, как изящные красивые пальцы привычно распускают нить, как ослабевает тонкий узелок на книжке и как затягивается тугой узел у него на шее.

– Если вам мешает галстук, вы можете его снять! – невозмутимо, чисто профессионально, посоветовала она. – Мы же сегодня не на официальном интервью, поэтому можно позволить себе слабину.

Он снял галстук, однако легче не стало. Эмма принялась перечислять вопросы, которые собиралась задавать: об издательстве и его литературной и общественной деятельности.

– В двадцать девять лет вы уже главный редактор, пусть и небольшого, но все же издательства. Как так получилось?

– Я продолжаю дело своего отца. Это он с другом основал «Огни Щегловска».

По ее лицу пробежала тень замешательства. Она явно занервничала, отчего лицо немного приобрело румяный оттенок.

– Здесь душно, – прижимая ладонь к воспаленной щеке, забормотала она.

– Да, душно, – подтвердил он, представляя, как ее ладонь прикасается к его щеке.

– Вы сказали, что это ваш отец, но в архивной справке указан совершенно иной человек, с другой фамилией... я, к сожалению, не могу вспомнить...

– Все верно, – мягко прервал Егор. – Он мне не родной отец, а отчим. Но для меня как родной отец. Единственное, чего бы я хотел, так это чтобы данная информация не фигурировала в интервью.

– Я вас поняла.

И она снова что-то пометила в записной книжке. Почерк, хоть и торопливый, но точно такой же, как и руки, изящный, витиеватый, где он успел заметить, одни и те же буквы она писала каждый раз по-разному. Вот пальцы перелистывают страницу, стержень пляшет по бумаге, порождая маленькие, кругленькие букочки. Ее темноволосая голова с прямыми блестящими прядями, в которых путался солнечный свет, нависла над книжкой, а губы беззвучно нашептывали слова. Кажется, ты попал, приятель, подумал Егор.

– Эмма? – тихо позвал он. – Я могу вас называть просто Эммой?

Она подняла голову и улыбнулась. Теперь он с точностью разглядел ее глаза. Как у кошки, большие, ссуженные по краям и вовлекающие за собой в неизвестную пропасть. В ее крупных и черных зрачках он отчетливо видел свое маленькое, искаженное отражение и крохотную точку солнечного блика. Удивительно! Он потянулся к галстуку, нашарив рукой пустое место. Они все еще смотрели друг другу в глаза, и она все также продолжала улыбаться, сжимая в пальцах ручку.

– У вас наверняка нет свободного времени. Университет, издательство, научная деятельность, – проговорила она, не отрывая от него своего дикого, кошачьего взгляда. – У вас есть своя семья? Вы женаты?

– Нет, – моментально ответил он. И ее губы дрогнули в полуулыбке.

– Чем помимо работы вы еще занимаетесь вечерами?

Ну, вообще-то, я пишу кандидатскую, подумал он про себя, пропуская по телу волну раздражения. Из-за внештатной командировки он упустил время и затянул с целой главой, которая уже давным-давно должна была быть готовой. Его вечера весьма не разнообразны.

И тут же раздражение уступило место досаде. Что ответить на ее вопрос? Последний раз он говорил с девушкой не по теме филологии сто лет назад. Он забыл, как правильно разговаривать с противоположным полом, чтобы выразить симпатию, чтобы пригласить на свидание, чтобы открыть свои чувства. И честно говоря, он забыл, что может нравиться женщинам, ровно так же, как и они ему. Эта девушка перед ним – Эмма, воплощение истинной женственности, притягательности, она смотрит на него уверенно и с очевидным вызовом. Ясное дело, он не первый и не последний мужчина в ее красивой жизни, и она привыкла к пылающим смесью желаний, ревности и собственности мужским взорам.

Егор потупил взгляд. Когда он в своей далекой юности пытался приблизиться к понравившейся девочке, получалось смешно и неуклюже. По дороге из школы в небольшом киоске он покупал стаканчик шоколадного мороженого и угощал свою возлюбленную. Себе не покупал – копил деньги на следующее угощение. По обыкновению они шли молча: он чуть позади, теща ее портфель, она впереди с мороженым в руке. Ее проворный розовый язычок быстро кружил по гладкой поверхности шоколадного шарика, пока пальцами Егор перебирал монеты в своем кармане.

– А у тебя вырастут усы? – спросила она его, не оборачиваясь.

Он смутился. Не знаю, наверное, пробубнил в ответ.

– У моего старшего брата выросли. Тоненькие такие и черные, будто он сажей себя измазал под носом. Говорит, что усы делают его настоящим мужчиной, а на самом деле очень смешно. Если у тебя, Егор, вырастут усы, то мы больше не будем дружить.

И наконец-то она обернулась и выше вздернула нос, показывая Егору шоколадные усики над верхней губой.

В следующие дни он просыпался рано утром с тревогой на сердце, вскакивал с постели в одних пижамных штанах и бежал первым делом в ванную, и глядел на себя в зеркало – не выросли ли усы?

Ничего не отвечая Эмме на ее вопрос, он машинально провел ладонью по губам и подбородку. А вдруг ей нравятся усатые и бородатые? Да и как вообще сейчас за женщиной ухаживают? Угощают ли мороженым, зовут на танцы или сразу же приглашают разделить постель? Он выпал из нормальной жизни на много лет и, что самое интересное, не ощущал себя неполноценным, напротив, за это время он многого добился. Или же ему только казалось, что он чего-то добился, а в действительности был похож на залежалую во мраке и сырости мумию? Черт возьми, откуда же ему это знать?

Он втянул воздух в легкие и на выдохе произнес:

– Наверное, не имеет смысла скрывать, что вы мне нравитесь, Эмма?

Она насторожилась, но блеск, озаривший ее черные глаза, подбодрил Егора продолжать дальше с меньшей тревогой.

– Я хотел бы встретиться с вами еще раз...

– Мы увидимся на интервью, – перебила Эмма. Блеск в глазах становился все задорней. Глаза у Эммы очень красивые.

У Егора перехватило дыхание, чтобы продолжить дальше: голос предательски дрогнул и сорвался в неловкий хрип.

– Да, на интервью, – он откашлялся, смотря не на нее, а на то, как она ловко крутит свою ручку меж пальцев. Вероятнее всего, он поспешил с признанием. – Честно говоря, я и не рассчитывал на что-то большое, чем простое интервью.

Эмма не ответила, лишь поглядела на ремешок наручных часов на правой руке, несмотря на то, что была правой. Ремешок означал ремешок, а не настоящие часы; тонкий, кожаный, коричневого цвета, без циферблата. Спустя минуту он сообразил, что Эмма носит часы не только на правой руке, но и циферблатом внутрь, тем самым вводя людей рядом с ней в заблуждение. Егор редко встречал подобное. Этим жестом она показала ему, что время, которое она выделила для него, истекло – пора заканчивать.

Они оба поднялись, продолжая беседу, только голос Егору теперь не принадлежал, как и собственные руки, которыми он отодвинул ее стул, выпуская из-за стола. Совершенно случайно коснулся ее обнаженного локтя, совершенно случайно ее лицо на уровне его груди, совершенно случайно он вдохнул аромат ее духов, и уж точно совершенно случайно ее глаза так близко к нему. Он провожает ее до двери. Увидимся на интервью, напоследок говорит она. Увидимся, отвечает он, я могу вас подвезти до работы? Меня ждет водитель начальника, улыбается она. Да, водитель, с горечью вторит он. Что же? Увидимся? – переспрашивает. Увидимся!

Опустошенный, с проявляющейся головной болью Егор возвращается за рабочий стол. В кабинете все еще витает запах Эммы, у него кипит кровь, пальцы дрожат, он продолжает слышать ее голос, будоражащий его. Он упирается локтями в стол, закрывает лицо руками и трет пальцами лоб, виски, будто пытается вместе с головной болью выдавить воспоминание об Эмме. День испорчен, его душевное равновесие испорчено, его спокойствие летит к чертям. С закрытыми глазами он откидывается на спинку кресла, прижимает ладони к груди и напряженному животу – успокаивает. Боже, когда в последний раз он испытывал подобные чувства? Как же одновременно хорошо и отвратительно он себя чувствует! Он способен на чувства, он живой, он хочет женщину, он хочет Эмму! И как же неожиданно, как внезапно на него навалились эти чувства, словно кирпич на голову. Как ему теперь с ними быть? Как успокоить? Как объяснить глупому сердцу, что не все, что оно желает, может стать его?

Егор с трудом разлепил глаза. И может быть, ему привиделось или это игра воображения? Он протянул руку вперед и коснулся постороннего предмета на своем столе. Ручка Эммы. Она оставила ее здесь, рядом с ним. Зачем? Забыла? Нет-нет. Она не из тех, кто оставляет собственные вещи на чужих столах. Она оставила ее ему, для него, чтобы именно он возвратил пропажу. Егор прижал ручку к губам, ощущая тепло в тех местах, где ее держали изящные женские пальцы.

К ресторану, в котором должны были снимать интервью, Егор приехал рано. Он никогда здесь не бывал, ему было неловко. Он сообщил свое имя администратору, и тот с широкой улыбкой провел его к бронированному месту на втором этаже ресторана. Егора поразила красота зала, залитого солнцем; маслянистый свет, словно размеренными волнами, перекатывался из угла в угол, от окна к окну. Интересно, где наше место, размышлял он. Конечно, у окна. Он будет давать интервью на фоне своего родного Щегловска, который подобно птичьему крылу свободно раскинулся за стеклом. Он чувствовал гордость, не за себя, а за отчима и маму. Он чувствовал горечь, что отчима больше нет.

Егор волновался, то и дело облизывая языком пересохшие губы. Этой ночью он плохо спал, у него раскалывается голова, и не помогает ни одна таблетка. Непрекращающийся стук дверей, быстрый топот официанток, приближающийся звук острых каблуков – все отдается в голове. Он пытается отвлечься, разглядывая в окно утренний Щегловск.

– У вас отличный галстук, – слышит он и в ответ бормочет невнятное «спасибо», поднося руку к вороту рубашки. Смех заставляет его поднять голову и убрать руку от свободной от официальной удавки шеи. Сегодня он просто в любимой рубашке и костюме.

– Эмма.

– Вы рано пришли.

– Да, так получилось.

– Плохо спали? – заметила она.

Егор не знает, что ответить. С ней он как на ладони. Разглядывает ее жадным взглядом, теперь-то он уж точно запомнит, как она выглядит; не пропускает ни один изгиб ее тела, плечи, руки, бедра, колени – его ладони горят, будто обжигаясь об нее. Ну же, Егор, что с тобой происходит? Возьми себя в руки!

– Сейчас ребята подойдут, – игнорируя его затянувшееся молчание, говорит Эмма.

– Какие? – удивленно спрашивает он.

– С аппаратурой.

Ах, да, телевизионщики всякие. Егор выставляет себя все глупее и глупее.

– Вы кое-что забыли у меня прошлый раз, – он достает ее ручку, протягивает. Кроме того, по-идиотски надеется, что она кончиками пальцев коснется его пальцев. Эмма загадочно улыбается, ее глаза блестят. О чем она думает, глядя на него? Нравлюсь ли я ей или же она мной играет? Что же творится в ее красивой голове?

– Спасибо, – поблагодарила она, касаясь кончика ручки, не задевая его пальцев, и хочет добавить что-то еще, но телевизионщики уже шумно поднимаются по лестнице. – Кажется, начинаем. Готовьтесь.

И прежде чем начать запись, она низко наклонилась через весь столик и ладонью поманила Егора к себе. Он подался вперед, задерживая дыхание. Ее низкий голос опалил кожу его шеи. Не волнуйтесь, все будет хорошо, прошептала она, просто представьте, что кроме меня больше никого нет.

Она отстранилась от него так же мимолетно, как до него дошло ее сообщение. Только он и она... В полном отчаянии он пошарил по пустым карманам в надежде найти хоть одну сигарету. Выйдя из ресторана, он непременно купит пачку и выкурит ее полностью. Именно так он и делает.

– Может, все-таки лучше было отснять в моем кабинете? – после интервью спросил Егор, наблюдая за тем, как парни складывали свои камеры. Эмма сделала ему знак подождать, не спешить уходить.

– Лучше, – отозвалась она. – Но ресторан платит нам за ролик, мы рекламируем его.

– Получилось неплохо?

– Вполне сносно. Только вы поменяли все ответы на вопросы, которые мы с вами обсудили.

– Да, я посчитал, что так лучше.

– Если уж вы так посчитали, – протянула она и кивнула своим коллегам, собиравшимся уходить.

– Вы остаетесь? – тихо спросил он.

– Вы против?

Он помотал больной головой, даже слишком энергично, отчего она засмеялась.

– Выпьем за ваше интервью?

– Да, с удовольствием, – раньше времени обрадовался он, вспомнив, что под окнами, на парковке, его ждет автомобиль.

Они трижды выпили за ролик, стукнувшись наполненными апельсиновым соком фужерами. Эмма сказала, что любит апельсиновый. Егор выпил залпом, не дыша, как в детстве

противную горькую микстуру, которую достаточно лишь наскоро пропустить в желудок, чтобы не почувствовать ее вкуса. Он постарался удержать невозмутимое выражение лица, не дав ему скривиться.

– Что-то не так?

– Все хорошо, – сквозь зубы процедил он. Однако дрожь озноба подло выступила на коже. Егора передернуло. – Честно? – она кивнула. – Ненавижу апельсиновый. И у меня на цитрус аллергия.

– Вот как? И все-таки вы его выпили, – она закусила нижнюю губу. – Ради меня еще никто так не жертвовал.

Сперва Егору подумалось, что Эмма иронизирует над ним, высмеивает, но заметив ее взгляд, абсолютно новый, доселе ему незнакомый, понял, что она наконец сняла маску с лица. Она коснулась его запястья, пропустив пальцы под манжет рубашки:

– Сыпь будет?

– Скорее всего, – пожал плечами он, непрерывно наблюдая за ее рукой. Егор легко поймал эти любопытные пальцы, когда они намеревались покинуть его. Эмма заметно улыбнулась, но сжалась, как напуганная птичка в клетке, отчего показалась Егору еще лучше, красивее, желаннее. Они оба молчали, не решаясь прервать навалившуюся тишину. Как же она прекрасна, подумал Егор, как же прекрасна эта минута молчания, за которую они оба цепляются. Это ведь та самая минута будущего, о которой так часто рассуждал он на своих лекциях, та самая восемнадцатая минута, которую с оттенком раздраженной нетерпимости ожидают студенты, когда он намеренно опаздывает. Придет или не придет преподаватель? Ответит взаимностью Эмма или же отвергнет его прямо сейчас? Егор никогда не подводит студентов, разбивая их ожидания своим появлением, точно так же сейчас – еще минута и все прояснится.

Он отпускает ее пальцы на свободу и протягивает к ней через столик свою руку с раскрытой вверх ладонью – раскрывает перед ней себя, вверяет себя. Минуту-вторую Эмма колеблется, дышит неровно и озирается по сторонам, избегая прямого и настойчивого взгляда Егора. И неожиданно, скорее для нее самой, чем для него, она неумело накрывает его терпеливо ждущую ладонь, и глядит таким взглядом, что меркнет все вокруг – люди, зал, город. Как долго его руки не помнили женского прикосновения? Вероятно, слишком долго, настолько, что у него кружится голова. Без страха и стеснения он говорит это Эмме, о своих нелепых, почти юных чувствах.

– Я пьян? – улыбается он.

– Мы просто вдребезги напились, – улыбается в ответ она.

Я первой в тебя влюбилась, намного позже скажет ему Эмма, когда они будут собирать ее вещи, чтобы перевезти их в квартиру над липами. В моем кабинете? – уточнит он. Нет. В ресторане? Ну нет же, Егор, подумай! Ну не знаю, когда первый раз говорили по телефону? Ну нет же! А когда, Эм? Она отбросит складываемый свитер в сторону и прильнет к Егору, крепко-крепко, повалит его на кровать, прямо на ровно сложенную одежду. Только не шумим, как всегда с хитрой улыбкой предупредит она, у меня папа строгий! Не шумим, шепчет он, сжимая ее сильнее в руках. Никаких мужчин в родительском доме! – грозит она. Боже мой, какие мужчины? – его губы накроют ее губы. Она оторвется от него и проведет кончиками пальцев по его рту, довольна улыбаясь. Вот тогда, – наконец признается она.

Они вышли из ресторана, и Егора правда пошатывало, от того, что происходит в его жизни, или от того, что Эмма позволила ему придержать ее за локоть, пока он ведет ее к машине. В тот день он не был ни в чем уверен! Ни в себе, ни в происходящем! Ему казалось, он вжимает педаль газа до последнего вздоха и несется, словно ветер, по пустой городской дороге; ему казалось, сегодня он не такой, каким привык быть, – смелый, рискованный, почти неуправляемый. Жаль, что ему все это лишь казалось. На самом деле он не спускал тревожного взгляда с загруженной соседними машинами дороги, не доверял скорости, полагаясь на соб-

ственный опыт, потому что помимо его жизни в автомобиле присутствует и другая, бесценная, жизнь Эммы.

– Где ты живешь? – спросила Эмма.

– В центре, прямо на липовой аллее.

– Неожиданно. – Она действительно удивлена. – Я думала, там живут только старые профессора.

– Так и есть.

– Ты планируешь получить ученую степень?

– Кто знает, возможно.

– И попробую угадать, ты живешь один?

Егор быстро кивнул и незаметно для Эммы сглотнул душевную боль.

Всю осознанную взрослую жизнь он прожил в квартире над липами. Сперва вместе с мамой и отчимом, затем с мамой и Захаром. Все это длилось до определенной поры – до той поры, пока был живой отчим и пока была жива родная бабушка Егора (мать его мамы). Она свято верила, что переживет отчима. А Егор в свою очередь верил, что она больше никогда не ввяжется в их жизнь. Отчим умер не по-джентельменски, первым, не пропустив вперед себя бабушку, и Егор почувствовал, как быстро стали сжиматься створки ловушки: она все чаще стала жаловаться маме на здоровье. Я должна, говорила мама, собираясь навестить ее. Егор вставал в проеме двери, перекрывая маме дорогу: «Ты ничего ей не должна». Он сжимал кулаки и проглатывал гадкие слова, рвущиеся наружу из него, но только не при маме, и заставлял себя молчать. Ты ничего ей не должна, ты ничего ей не должна, как заведенный твердил он, почти как много лет назад твердил, что ненавидит бабушку. Тогда еще давно мама ударила его по губам, но он больше не беззащитный и покорный мальчик, он мужчина – ему уже двадцать шесть. Со своего места у двери он следил, как мама причесывается напоследок, обувается и берет сумку с продуктами для нее. Он полон решимости не пустить ее, но она кладет ему на грудь ладонь, теплую, заботливую, материнскую, и в груди больно что-то замыкается, гораздо больнее, чем шлепок по губам. Егор отворачивается и прячет свой стыдливый взгляд: «Я хочу, чтобы она...» «Тише, тише, – обрывает его мама, поглаживая по щеке, – не говори таких слов». И двадцать шесть лет мужества, как жалкое ничтожное существо, едва заметно скалясь и прижимая хвост, отступают назад в угол темноты, превращая Егора в того самого мальчишку. «Ее парализовало», – спустя несколько недель объявит мама. Егор промолчит, сохраняя равнодушный вид. Ты слышишь? – переспросит мама, и он молча соберет учебники и методички в сумку, ускользая в университет. А тем же вечером за ужином мама объявит, что переезжает к ней, она должна это сделать. Нет, не отрывая от нетронутой тарелки глаз, резко скажет он.

– Но ей нужна моя помощь. Она же беспомощна!

– Она заслужила, – шипит он.

– Такого никто не заслуживает, – тихо произносит мама, чем еще больше злит Егора.

Что бы сейчас не сказала мама, Егора уже не остановить; его боль, давно разъедающая его, стала в эту минуту его страшным гневом. Он говорит плохие слова, и мама в ужасе вскакивает из-за стола. Гнев заполняет кухню, гнев сжимает руку Егора, и тонкий красивый стакан из любимого сервиза отчима разлетается осколками по столу и красными потеками по ладони Егора. Маленький Захар, сидящий рядом с ним, испугавшись звона и израненной братской руки, расплакался, и Егор почувствовал себя виноватым, однако это скользкое чувство быстро улетучилось, едва он сообразил, что вместе с мамой туда же отправится и Захар. Но он отво-
евал его...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.